

INSPIRIA

САРА ДЖИО

*Из Лондона
с любовью*

INSPIRIA

Novel. Зарубежный романтический
бестселлер. Романы Сары Джо

Сара Джо

Из Лондона с любовью

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Джио С.

Из Лондона с любовью / С. Джио — «Эксмо», 2022 — (Novel. Зарубежный романтический бестселлер. Романы Сары Джио)

ISBN 978-5-04-198410-6

Новый роман Сары Джио – это семейные тайны, любовные откровения и судьбоносные решения. Книжный магазин, полученный в наследство, перевернет страницу новой истории. В РОССИИ ПРОДАНО БОЛЕЕ 1 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ КНИГ САРЫ ДЖИО. Наши дни. Валентина узнает, что ее мать Элоиза оставила ей в наследство дом в Лондоне. Отношения с матерью у Валентины разладились уже давно, поэтому она не заинтересована в наследстве. Но обнаруживается, что в доме находится книжный магазин, рядом живут симпатичные соседи и у Элоизы была от дочери тайна, которую Валентина начинает разгадывать, находя от матери многозначительные подсказки. 1968 год. Элоиза делит съемную квартиру с подругой и мечтает открыть книжный магазин. Однажды она знакомится с Эдвардом – как ей кажется, очень приятным, но загадочным молодым человеком. Увы, после одной из встреч Эдвард исчезает. Это становится поворотным моментом в судьбе Элоизы, о чем поначалу не подозревает даже она сама. «Уютный кусочек эскапизма, который заставит читателей мечтать о настоящей любви и книжном магазине». – Kirkus Reviews

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-198410-6

© Джио С., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Письмо автора	8
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	38
Глава 6	49
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сара Ажио

Из Лондона с любовью

В конце концов мы все превратимся в рассказы.
Маргарет Этвуд

Sarah Jio
With Love from London

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2022 by Sarah Jio

© Бараш О., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

* * *

Письмо автора

Независимо от того, читаете ли вы это в том же году, когда я пишу, в 2020-м, или спустя долгое время после публикации этих страниц, или даже после того, как меня уже не будет в живых (в этом прелесть книг – они живут долго), я должна рассказать кое-что, прежде чем вы откроете первую страницу. За годы писательства, а это моя одиннадцатая книга, я пришла к пониманию того, что книга для автора – все равно что ребенок для матери. У меня трое сыновей, которым в данный момент четырнадцать, двенадцать и десять лет. Когда они были младенцами, мне в голову не приходило оставить их с няней, не проинструктировав ее. «Он любит груши», – говорила я няне, или: «Ему становится немного грустно перед сном, поэтому, пожалуйста, почитайте ему сказку». Теперь для меня не менее странно держать эту книгу в руках, ни капельки не беспокоясь о ней.

В 1992 году я была неуклюжим четырнадцатилетним подростком: брекеты, мальчишки, средняя школа, страдания из-за неудачной стрижки и, возможно, даже ужасной химической завивки. В том же году я превратилась из заядлой читательницы в страстную любительницу книг. Каким-то образом я открыла для себя замечательную ирландскую писательницу Мейв Бинчи и решила прочитать все ее книги, какие только отыщу. Пока я плыла по бурной реке юности, ее уютные истории были столь необходимой мне спасательной шлюпкой. Потом я поклялась, что если когда-нибудь напишу книгу и даже придумаю, как ее опубликовать, то попытаюсь создать для читателей их собственные уютные уголки.

Это я и старалась делать во всех своих книгах, включая «Из Лондона с любовью». На полпути к завершению романа произошло нечто совершенно неожиданное. Привычная жизнь перевернулась с ног на голову из-за пандемии Covid-19. Я боролась с болезнью больше месяца, школы, где учились мои мальчишки, закрылись, и все странно, со скрежетом затормозилось. Но именно тогда незавершенный роман стал уютным маленьким мирком, в котором я так отчаянно нуждалась. В конце долгого писательского дня, когда нужно было выгуливать собак и кормить детей, я ловила себя на мысли, что хочу еще немного задержаться на этих утешительных страницах.

В моменты неуверенности я вспоминала лучшие времена и лучшие места, тот вечер в 2016 году, когда мой нынешний муж сделал мне предложение в самом очаровательном месте Ноттинг-Хилл (если вы так же обожаете фильм «Реальная любовь», как я, то точно знаете, о чем я говорю). Моими декорациями тоже был Лондон.

Некоторые места, упомянутые в книге, конечно, вымышлены, но многие из них я открыла во время двух исследовательских поездок. Однажды мне посчастливилось получить приглашение на ужин в легендарный Королевский автомобильный клуб, ставший местом действия

двух эпизодов книги. Должна сказать, что КАК – именно такой шикарный и знаменитый, как вы себе представляете. Я бережно храню память о том вечере.

И теперь я вручаю свое дитя вам. Я заставляю себя отойти в сторону, хотя, вероятно, могла бы продолжать и продолжать. «Из Лондона с любовью» и его многочисленные персонажи теперь в вашем распоряжении. Надеюсь, что вы положите эту книгу в пляжную сумку или портфель, возможно, возьмете ее с собой в поездку (даже в Лондон!) или просто прочтете, не покидая домашнего уюта.

Где бы вы ни были и куда бы вас ни привела жизнь, я надеюсь, что чтение этой книги принесет вам такое же утешение, как и мне, когда я ее писала.

Из Сиэтла с любовью, Сара

Глава 1

Валентина

Лондон, Англия

1 ноября 2013 года

– Впереди нас ждут гораздо лучшие дела, чем те, что мы оставляем позади, – говорит женщина, сидящая рядом со мной в самолете, лет шестидесяти с небольшим, с выстриженной перьями челкой и резинкой для волос, так туго обхватывающей левое запястье, что большую часть полета я опасаясь, как бы не пришлось оказывать ей неотложную медицинскую помощь.

За годы всевозможных путешествий у меня собралась целая коллекция сомнительных соседей по самолету: девяностолетний дед, который дотронулся до моей ноги 3781 раз, после чего заснул, непрерывно пуская газы; младенец, плакса из плакс; дама, которая выпила слишком много маленьких бутылочек рома и отключилась у меня на плече, пуская слюни.

А в этом полете я, похоже, сподобилась заполучить соседку разновидности «сентиментальный оратор». К моменту, когда самолет оторвался от земли, болтуня, занимающая место 26В, уже успела процитировать Шекспира, Мэрилин Монро и, насколько помню, Мухаммеда Али.

Мой усталый пустой взгляд, очевидно, беспокоит ее, потому что уголки ее рта опускаются в разочарованной гримасе.

– Бедная девочка, – говорит она, качая головой. – Вы не знаете К. С. Льюиса. Какая жалость.

– Да, – говорю я, закрываю глаза и откидываю голову на спинку сиденья, пытаюсь уснуть – или, по крайней мере, притвориться, что сплю. – Это весьма... *весьма печально.*

Да, печально. Меня только что обвинили в том, что я не опознала цитату одного из моих любимых авторов, но я слишком устала, чтобы защищаться. Что может быть печальнее? *Только сама цитата.*

«Впереди нас ждут гораздо лучшие дела, чем те, что мы оставляем позади»¹.

Я открываю глаза, только когда самолет начинает снижаться над Лондоном и толчок турбулентности толкает меня прямо на Сентиментального оратора. Чую, она вот-вот начнет скандировать цитаты из Ганди или, может быть, из матери Терезы.

Мои мысли сбиваются в кучу. *Что, если К. С. Льюис ошибался? Что, если впереди не будет ничего лучшего? Что, если?..*

Самолет снова дребезжит и проскальзывает под облаком, выпуская шасси. Мгновение спустя – грохот и глухой удар: мы приземляемся в Хитроу.

Я смотрю в иллюминатор. Итак, *это Лондон.*

Сентиментальный оратор, задохнувшись, нашаривает ингалятор, а я впервые смотрю на Англию, на ее кажущуюся беспросветной серость. Толстый слой тумана и темные облака смешиваются, как расплывшаяся акварель, – плюс серость моего настроения. Серое на сером на сером.

Я вздыхаю, снимаю с полки сумку и тупо иду вперед. Мне тридцать пять. Это должна быть тринадцатая глава моей жизни – а может быть, даже шестнадцатая. Но почему-то я чувствую себя так, словно меня катапультировали обратно, в самое начало, или, что еще хуже, заставили кропотливо переписывать все.

«Глава 1: Разведенная американка в Лондоне».

¹ Попутчица Валентины цитирует письмо автора «Сказок о Нарнии» английского писателя К. С. Льюиса его знакомой Мэри Шелбурн (*Здесь и далее прим. перев.*).

– Мисс, – говорит Сентиментальный оратор, касаясь моего плеча. – Кажется, вы забыли... *книжку*.

Она протягивает мне книгу, и я созерцаю обложку со смешанным чувством унижения и недоверия. «Как развестись, сохранив рассудок». Я прочитала всего две главы, по возможности тайком, но быстро потеряла интерес и сунула книжку в карман сиденья, чтобы ею наслаждался следующий пассажир. Подумайте, ну какой психотерапевт в здравом уме назвал бы главу: «Лучший способ забыть человека – подчиниться ему»?

– Бедняжка, – улыбаясь про себя, говорит Сентиментальный оратор.

Дайте орден этой образцовой гражданке!

– Вы переживаете *развод*?

Мне кажется или слово «развод» она произнесла несколькими децибелами громче? Две женщины слева от нас оглядываются, их лица лучатся жалостью. Ко мне.

Я киваю.

– Да – недавно.

На меня нацеливаются еще несколько пар глаз. С таким же успехом можно было прицепить на спину наклейку с надписью: «НЕДАВНО РАЗВЕЛАСЬ».

– Помните, дорогая, – заявляет моя трансатлантическая соседка, – чтобы забыть человека, требуется полгода на каждый год совместной жизни.

Я слышала это и раньше от других доброжелателей, но каждый раз чувствую смущение и, скажем так, легкий испуг. Мы с Ником были женаты двенадцать лет, – так что же, если расчеты верны, я должна страдать и ненавидеть себя... еще шесть лет? Кто выдумал эту дурацкую статистику и можем ли мы все дружно признать ее липовой с начала до конца?

Ведь это все неправда, верно?

Я делаю пару шагов вперед и вбок, чтобы избежать неизбежного. Не сомневаюсь, что Сентиментальный оратор сейчас спросит: «А разрешите поинтересоваться... что случилось?» И я окажусь загнанной в пятый угол, придется объяснять, что мой муж, адвокат, бросил меня ради двадцатитрехлетней помощницы юриста, с которой тайно встречался с прошлой весны. А я – да, я действительно верила, что все эти ночи он работал сверхурочно. Как ее зовут? Ах, конечно, это же Мисси, которая то и дело демонстрирует в Instagram² свои бесконечные ноги и накладные ресницы.

У меня тоже есть аккаунт @booksbyval³. Вместо того чтобы изливать на подписчиков вдохновение, почерпнутое из стопки романов на моей тумбочке, я отслеживала Мисси. Виновна по всем пунктам обвинения. Вы хотите узнать: она... хорошенькая? Умненькая? Да, то и другое, хотя не кажется ли вам, что некто с вечно розовыми, надутыми губками не имеет законного права на диплом с отличием?

Теперь они вместе. Мисси и Ники. #Созданыдруглядруга, как гласил один из ее недавних постов, где она небрежно намекала на новую любовь своей жизни – моего мужа, вернее, пока-еще-мужа.

Словно зомби, я иду в зону паспортного контроля, довольная тем, что рассталась с Оратором. Когда мой паспорт сканируют, компьютер начинает мигать красным и пищать. Мгновение спустя появляется таможенник и сообщает, что я случайным образом выбрана для дальнейшего досмотра.

Конечно, я. Кто ж еще.

– Пройдемте со мной, мисс, – говорит он и ведет меня в соседнее помещение, где я вручаю ему паспорт. – Приехали в отпуск?

² Деятельность социальной сети Инстаграм запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (*Здесь и далее*).

³ «Книги от Вэл».

– Нет. – Я качаю головой.

– Значит, в командировку? – продолжает он, роясь в моем саквояже руками в перчатках.

– Нет, – говорю я, потирая лоб. – Не в командировку.

– С какой же целью, мисс?

Я с трудом сглатываю, избегая его пристального взгляда, который, кажется, пронизывает меня насквозь.

– У меня умерла мать, – наконец выпаливаю.

В его глазах появляется тень человечности – всего лишь проблеск, но все же появляется. Возможно, единственная хорошая сторона смерти в том, что она смягчает самые твердые грани.

– Сочувствую, – говорит он, возвращая мне паспорт, и на секунду замолкает. – Все чисто. Добро пожаловать в Англию.

Я киваю. Он выводит меня через отдельный вход; я иду по указателям получать багаж, забираю с карусели два больших чемодана и наконец выхожу на улицу ловить такси. Я машу рукой скучающему водителю, который курит, прислонясь к машине.

– Куда едем? – спрашивает он, загружая чемоданы в багажник.

– Примроуз-Хилл, – отвечаю я.

Он кивает.

– Возвращаетесь домой?

Теперь, когда развод почти завершен и дом в Сиэтле продан, моим пристанищем будет Примроуз-Хилл. Но сейчас он так же далек от меня, как мать.

Я пожимаю плечами.

– Вроде того.

Машина трогается, дождевые капли буквально залепляют лобовое стекло. Я закрываю глаза и тут же вижу лицо мамы, улыбающейся мне в зеркале заднего вида. Она напевает старую песню Стиви Никса «Сара» и переключает машину на четвертую передачу. Мне двенадцать лет. Через две недели она... уйдет.

Я протираю запотевшее окно рукавом куртки, вспоминая, как мне было трудно после ее ухода. Папа делал все возможное, но так и не смог заменить мне ее. И никто не смог.

Боль заглушали книги. В их вымышленном мире я пускалась в грандиозные приключения бок о бок с сотнями персонажей, чья жизнь была такой же сложной, как моя.

В колледже я получила степень магистра библиотечного дела. Особенно меня привлекали редкие антикварные книги. Можете назвать меня неисправимым ботаником, но мне нравилось проводить дни за столом местной библиотеки, вдыхая непревзойденный аромат книг. Мой честолюбивый муж окончил юридический факультет и намеревался карабкаться вверх по карьерной лестнице. Мне же было интересно взбираться только на одну лестницу – на стремянку в отделе старинных книг.

Библиотека – это особый мир с собственным неповторимым ритмом: стук твердых переплетов, когда книги складывают в стопки и расставляют по полкам; щелчки печати, проставляемой в читательских формулярах; матери, утихомиривающие детей; читатели, которые на цыпочках ходят от стеллажа к стеллажу, обнаруживают неожиданные сокровища и теряют счет времени.

Как бы то ни было, узнав о романе Ника, я нашла убежище в библиотеке – в моем любимом маленьком филиале в районе Фримонт в Сиэтле, – где я могла раствориться. Я неслась в отдел художественной литературы, села на потертый стул в дальнем углу и плакала, плакала и плакала. Когда слезы кончались, я читала.

В наш последний совместный вечер я приготовила курицу с пармезаном, и Ник сказал мне, что это было лучшее, что он когда-либо пробовал. Потом мы посмотрели сериал «Безумцы», и он поцеловал меня на ночь. На следующее утро я открыла глаза, увидела, что в

кровати рядом со мной пусто, и предположила, что муж рано ушел на работу, – такое случалось часто. Но потом я нашла на прикроватной тумбочке написанную от руки записку, в которой не было сказано ничего – и было все.

*Вэл,
Прости. Буду всегда.*

Ник

Сердце у меня упало, потому что я уже знала. Возможно, знала уже давно. Но вот оно, его почерк, строгие черные чернила. Мне всегда нравился изгиб его буквы «с» – с маленькой закорючкой внизу, – но теперь эти буквы казались мне чужими, даже жестокими, словно они стали его каллиграфическими сообщниками в этом печальном повороте событий. Я успокаивала себя, позволяя словам мариноваться в моем сознании, пока реальность наконец не дошла до меня полностью. Ник ушел.

Несколько минут спустя зазвонил телефон, и я осторожно сняла трубку.

– Аллю, здравствуйте. – Мужской голос с британским акцентом. – Я ищу миссис Валентину Бейкер.

– Я слушаю. – Холодный сквозняк просочился через окно спальни, и я потерла глаза. – Что случилось?

– Это касается вашей матери, Элоизы Бейкер.

Я села в постели, вытаращив глаза. Я не слышала *ее* имени уже... давным-давно и более двадцати лет ее не видела.

– Простите, как, вы сказали, вас зовут?

– Джеймс Уитейкер. Я работаю в лондонской фирме «Бевинс и партнеры». Мы занимаемся планированием недвижимости; ваша мать была одной из наших клиенток.

«Ваша мать».

Моя мать.

Как будто этот незнакомец в телефоне достал ключ от хранилища пыльных старых воспоминаний. Я крепко зажмурилась, но они, как назойливые призраки, требовали внимания. И вот она, мама, в то последнее утро. Она стояла у подножия лестницы, протягивая ко мне руки. Я рассматривала ее красивое лицо с точеными чертами и завораживающими кристально-голубыми глазами. На ней было длинное, струящееся бледно-голубое платье с оборками по подолу.

Человек в трубке прокашлялся, и изображение растворилось, как лопнувший пузырь.

– Очень жаль, но у меня печальная новость, – продолжал голос. – Ваша мать... она... скончалась в прошлый вторник после продолжительной болезни. Рак яичников. Однако мне сказали, что ее кончина была мирной и безболезненной.

Я с трудом сглотнула. Мои руки и ноги онемели – как будто к моему отчаявшемуся телу приделали чужие конечности. Сердце билось так громко, что это был единственный звук, который я слышала. *Как она посмела умереть?* Это казалось таким... эгоизмом с ее стороны. Как будто ее последний вздох был тщательно продуманным последним ударом – по мне. Хотя, по правде говоря, я уже давно не верила, что мы еще встретимся, где-то в глубине души теплилась смутная надежда. А вдруг когда-нибудь... Так бывает в книгах, когда давняя боль чудесным образом исцеляется на последних страницах: обиды стираются носовым платком, душевные раны сшиваются иглой и ниткой. В моей истории тоже должен был наступить такой конец. Но нет, моя кончается плохо: сначала письмо Ника, а теперь это. Как-то я читала книгу о женщине, в которую трижды за один год ударила молния. Словно специально охотилась за ней.

Нет, нет, нет. Я сморгнула слезы. Может быть, это сон? Кошмар?

Чем дольше говорил Уитейкер, тем меньше мне верилось, что все это происходит наяву. Я слушала, но его слова казались искаженными и потусторонними.

– Ваша мать назначила вас единственной наследницей своего имущества. Оно включает недвижимость в Примроуз-Хилл – это прекрасный район Лондона, хранит все традиции. Здание старое, но достаточно удобное. В нем две квартиры, на втором и третьем этажах. На первом этаже книжный магазин.

Я потрянула головой: до меня наконец стало что-то доходить.

– *Книжный магазин?!*

Глава 2

Элоиза

Лондон, Англия

11 января 1968 года

– Выглядишь потрясающе, Эл, – заверила меня лучшая подруга Милли. – Вопрос в том, достаточно ли он хорош для тебя? – Она обняла меня за талию и положила голову мне на плечо. Мы обе смотрели в зеркало в прихожей квартиры, где жили вместе.

– Может быть, лучше надеть синее платье? Все-таки красное – это как-то... чересчур. А теперь давай честно: твой священный долг как подруги сказать мне, не выгляжу ли я как шлюха.

Я повернулась боком, мимолетно порадовавшись, что сегодня пропустила чаепитие. Одна булочка с вареньем – и молния бы лопнула. Я едва могла дышать, но мне было все равно.

Я улыбнулась нашему отражению – зеркало показывало нас в обоих вариантах: девчонки, которые познакомились в девятилетнем возрасте, и взрослые женщины, знающие, что к чему в этой жизни. С самого начала мы были комичной парой – я, эльф со светлыми волосами и бледной кожей, и Милли, самая высокая девочка в начальной школе, возвышающаяся надо мной, с темными косами и вечной прямой челкой, закрывающей лоб.

Милли мало интересовалась мальчиками, а позже мужчинами. Иное дело я. Моя коллекция школьных увлечений и девических романов была обширна, но впечатляющие экземпляры в ней отсутствовали. Однако мечта о сказочной любви прочно укоренилась в моем сердце. Подобно героиням любимых книг, я жаждала пережить собственную версию настоящей любви, пусть даже Милли думала, что все это чушь собачья.

Но Роджер Уильямс – *досточтимый* Роджер Уильямс – нет, это была не чушь. Когда закончилась моя смена, он проводил меня на улицу и тут же пригласил поужинать с ним в Королевском автомобильном клубе. Я чуть не упала в обморок прямо там, где стояла, на углу Бромптона.

Да, он вращался в высших кругах, и пусть я в них не вхожа, на дворе 1968 год, а не 1928-й. И девушка из Ист-Энда может пойти на ужин с любым мужчиной, с каким захочет, включая представителя лондонского высшего общества.

Милли аккуратно срезала бирку, болтавшуюся сбоку на моем платье. Это была безумная трата, сильно сократившая наш недельный бюджет, но необходимая для свидания с одним из самых сногшибательных и завидных холостяков Лондона. Отец Роджера, сэр Ричард Уильямс, был орденосным военачальником, одним из самых доверенных лиц Черчилля во время войны, а его мать нередко гостила в Букингемском дворце.

– Как вы все-таки познакомились? – спросила Милли, словно того, что я ей уже рассказывала, было мало, и она искала в моей истории нестыковки.

– Говорю же тебе – в «Хэрродсе». Забыла? Он пришел купить подарок матери на день рождения.

– Или подружке, – хихикнула Милли.

Я вздохнула.

– Ради бога, Милл. Неужели ты не можешь просто порадоваться за меня?

Она пожала плечами.

– Ну, и что же он ей купил?

– Шарф, – улыбнулась я. – От Hermès.

Милли это не впечатлило.

– Ты его обслужила, и он тут же... пригласил тебя на свидание? Эл, дорогая, я не сомневаюсь, что у Роджера Уильямса в мизинце больше обаяния, чем у большинства мужчин, вместе взятых, но давай все же не будем забывать, что он один из самых известных волокит в Лондоне.

– Не будь ханжой, – сказала я.

– Я просто... не хочу, чтобы ты страдала, вот и все.

– И не подумаю, Милл, – пообещала я. – Я сегодня иду с ним на свидание и намерена провести время наилучшим образом.

Похоже, я ее не убедила.

– Но что подумает... Фрэнк?

Я закатила глаза.

– Фрэнк? Тебя что, правда волнует Фрэнк?

– Ну, он ведь влюблен в тебя, разве нет?

– Ничего он не влюблен, – возразила я. – И вообще, то, что он несколько раз сводил меня поужинать, не означает, что я – его *собственность*.

Я еще немного полюбовалась собой в зеркале. Хотя я в корне отбросила опасения Милли, они имели смысл. Фрэнк, американский бизнесмен, с которым я познакомилась в прошлом месяце в бистро на Примроуз-Хилл, не походил на моих обычных поклонников. Серьезный, волосы немного растрепаны. После того, как он столкнулся со мной у стойки и пролил мой чай, он настоял на том, чтобы угостить меня обедом, и я почему-то согласилась. Не помню, чтобы когда-нибудь так хохотала, как в тот день. Костюм сидел на нем мешковато, и я сразу это отметила, но было в нем что-то искреннее. Когда он пригласил меня на ужин в следующие выходные, а потом еще раз, я согласилась. Я наслаждалась его обществом, хотя мое сердце в его присутствии не начинало биться быстрее.

Милли одобрила его сразу. «Наконец-то ты встречаешься с приличным джентльменом», – шепнула она мне, когда я села в его машину перед нашим вторым совместным ужином. Возможно, она была права, но я еще не решила, как поступить на романтическом фронте. Фрэнк Бейкер в моей колоде оставался джокером.

Из квартиры наверху донесся громкий стук. Крики, затем плач ребенка. Мы с Милли обменялись понимающими взглядами. В этом неблагополучном районе Лондона матери были перегружены работой и измучены, а отцы часто прикладывались к бутылке.

У Милли были свои воспоминания, у меня – свои.

Мой отец, напившись, превращался в чудовище. Однажды вечером – мне тогда было лет десять – он ударил мать по лицу так сильно, что пошла кровь. В ту ночь она присела на край моей кровати, прижимая полотенце к разбитой губе, и, поцеловав меня на ночь, произнесла молитву: «Милый Отче Небесный, подари моей любимой Элоизе самые прекрасные сны, и пусть она вырастет, выйдет замуж за принца и будет жить долго и счастливо».

– Если уж ты вбила что-то себе в голову, Эл, тебя не остановить, – сказала Милли, стряхивая пушинку с моего платья. – Но обещай, что сегодня вечером будешь осторожна, и не отмахивайся от Фрэнка. Он...

– Он в меня влюблен, да, – сказала я саркастически.

Ну и что с того? Я же не обязана влюбиться в него в ответ. Ни в него, ни в любого. И буду твердо держаться этого правила, пока не *узнаю точно*. И, конечно, если что, я бы знала точно! Как во всех моих любимых романах, это была бы интуиция, инстинкт. Я бы сразу все поняла. А пока этот миг не настал, почему бы немного не повеселиться? Я ценила заботу Милли, но что она понимает в любовных делах?

Я сделала последний глубокий вдох и расправила плечи.

– Милая моя подруга, – продолжила я и просияла, услышав звук клаксона под окном. – Не беспокойся обо мне! – Я поцеловала Милли в щеку, прогоняя сомнение в ее глазах. – Люблю тебя. Все будет хорошо!

Я выглянула в окно и увидела машину Роджера, ожидающую на улице. Мое сердце заби-лось быстрее.

Блестящий черный «роллс-ройс». На прошлой неделе, когда он спросил у меня адрес, чтобы за мной заехала машина, я придумала историю, будто занимаюсь в Ист-Энде «благотво-рительной работой». «Не иначе как ты святая, – сухо заметил он. – Меня в этот район и на аркане не затащишь». Я понимающе улыбнулась, пытаюсь подавить сожаление, которое сжало мне сердце. Я сказала себе, что это всего лишь невинная выдумка – вынужденная ложь, чтобы получить доступ к лучшей жизни, о которой всегда мечтала. И могла бы сыграть роль не хуже какой-нибудь книжной героини.

Милли встала в дверях, скрестив руки на груди, а я выглянула в окно и помахал шоферу, стоявшему рядом с шикарной машиной.

– Сейчас спущусь, – крикнула я: слова слетели с моих губ, как будто я уже произносила их тысячу раз.

Шофер, седой и серьезный, посмотрел на меня с любопытством и помог забраться в машину, которая оказалась... пустой.

Я в замешательстве покачала головой.

– А где же...

– Мистер Уильямс... задерживается, – коротко ответил шофер. – Он дал мне указание отвезти вас в клуб. Он встретит вас там.

Я кивнула. В конце концов, Роджер – занятой человек, важная персона. Если я хочу всту-пить в его мир, я должна это понимать. И... о да, клуб. Мне понравилось, как это прозвучало: словно я уже сама состою в клубе. Еще больше мне понравилось, что личный автомобиль уво-зит меня из моего жалкого района – в лучший.

Привратник Королевского автомобильного клуба помог мне выйти из машины.

– Добрый вечер, мисс, – произнес он, балансируя зонтиком над моей головой так, будто считал своим священным долгом не дать упасть на мое платье ни одной капле дождя. На миг мне показалось, что сейчас он бросит на землю свой форменный пиджак, чтобы изящная ножка дамы не ступила в лужу. – Вы сегодня ужинаете у нас? – В его веселом голосе явственно про-звучало ист-эндское произношение, от которого я с таким трудом старалась избавиться.

Прежде чем я успела ответить, шофер махнул рукой с переднего сиденья, и я невольно спросила себя, сколько раз они обменивались теми же репликами по поводу других девушек Роджера.

– У нее встреча с мистером Уильямсом.

Швейцар понимающе кивнул, и его ухмылка моментально увяла.

– Да... конечно, сэр.

Когда я вошла, гардеробщик забрал мое пальто, а я тем временем разглядывала изыскан-ную люстру, украшенную сотнями кристаллов. И как такую тяжелую штуку удалось прочно закрепить? Я быстро отвела взгляд, не желая выглядеть ошарашенным подростком, тупо гла-зеющим на все это великолепие.

– Сюда, мисс, – сказал мужчина в белом смокинге, ведя меня вверх по лестнице в обе-денный зал с позолоченными светильниками, изысканной мебелью и изящными фресками на потолке. Публика там сидела расфуфыренная – мужчины в пиджаках или фраках, женщины в длинных белых перчатках и мехах, накинутых на плечи. Свою единственную пару испачкан-ных перчаток я оставила дома и страшно жалела, что на мне нет мехов, чтобы спрятать голые руки, когда на меня уставился весь зал. Интересно, они поняли, что я здесь в первый раз? Чуют ли они новичка нюхом?

– Ваш столик, – сказал мой сопровождающий, выдвигая мне стул. Это был не простой столик, а явно самый лучший, расположенный на возвышении, откуда открывался вид на весь зал. И теперь я сидела за ним одна.

– Принести вам что-нибудь до прихода мистера Уильямса? – спросил официант. – Может быть, чай или шампанское?

– Да, – сказала я, глядя на шикарную даму с бокалом шампанского в руке, сидящую за дальним столиком. – Шампанское, пожалуйста.

Вообще-то я не пью, но сейчас мне отчаянно требовалось хоть что-нибудь – что угодно, – чтобы успокоить нервы. И несколько мгновений спустя, как по волшебству, официант в белых перчатках поставил передо мной бокал с шипучим эликсиром и, как мне показалось, испарился в воздухе.

Остро осознавая, что все на меня пялятся, я теребила крахмальную салфетку с золотой вышивкой и изучала полированные столовые приборы: какое блюдо какой вилкой едят? Как правильно: слева направо или справа налево? За соседним столиком раздался смех, и сердце у меня забилось быстрее. Женщина в платье гораздо красивее моего и, естественно, в перчатках, сочувственно улыбнулась, глядя в мою сторону. *Она что, сочувствует мне? Неужели им всем меня жаль?*

Я в три глотка покончила с шампанским, и официант принес мне еще бокал, а потом еще. Я смотрела на огромные золотые часы на дальней стене: двадцать минут прошло... сорок пять... С каждой минутой мое сердце падало все ниже. Где Роджер? Я уже потеряла счет – и времени, и выпитым бокалам шампанского.

Но вот заиграл джаз, и я почувствовала себя легко, будто в полете. Про себя я придумывала истории о том, почему Роджер опаздывает. У него заболела мать, и он поехал проведать ее. Важная деловая встреча затянулась допоздна. Он остановился, чтобы помочь застрявшему автомобилисту. Когда-нибудь, говорила я себе, мы с нежностью поведаем родным и друзьям печальную историю нашего первого свидания, со смехом будем вспоминать опоздание Роджера и как он целый месяц пытался со мной помириться.

Моя вымышленная версия казалась очень милой и полностью его оправдывала. Иное дело – его реальное появление несколько мгновений спустя. Когда он вошел, по залу пронесся шепот. На каждой руке у него висело по девиче.

– Извините, – сказал Роджер, не обратив на меня внимания, и повернулся к ближайшему официанту. Он стоял достаточно близко для того, чтобы я унюхала запах спиртного. – Почему мой столик занят?

Я нервно кашлянула. Что за дела? Разве он не пригласил меня сегодня вечером на свидание?

– Роджер, это я, Элоиза, – кротко сказала я, надеясь, что это какая-то ошибка, которую он легко объяснит. – Ты что, забыл?

– Кто это? – спросила дамочка по его левую руку, окидывая меня долгим и недовольным взглядом.

– Кузина из деревни? – хихикнула вторая.

Мои щеки горели.

– Я Элоиза Уилкинс, – сказала я. – Он меня пригласил. – Мое смущение наконец переросло в ярость. – Роджер, – продолжала я, выпрямившись на стуле. – Ты разве не помнишь, что сам прислал за мной машину?

Он ловко высвободился из двух пар рук, вцепившихся в его локти. Обе дамы смотрели обиженно.

– Нет, как же, конечно, – начал он. – Элоиза. Тебе придется простить меня. Я встретил... старых знакомых.

Я встала и потянулась за сумочкой, уронив салфетку на пол. Милли была права, зря я ее не послушала.

– Не смею тебя задерживать, – сказала я. – Вам наверняка предстоит многое наверстать.

Все смотрели на нас. А почему бы и нет? Цирковое представление, на ринге три девицы – такого по телевизору не покажут, а тут все происходит вживую, прямо у них на глазах. Роджер Уильямс во всей красе. Жемчужина для разделов светских сплетен. О, он даже подцепил убогую из Ист-Энда! (Всем смеяться.)

Тут меня и осенило: бежать как можно быстрее и дальше! Я стрельнула глазами вправо, потом влево, и наконец увидела дверь. Мне была невыносима мысль о том, чтобы проделать позорный путь через огромный зал к главному входу, поэтому я выбрала ближайшую стеклянную дверь, которая, как мне показалось, вела на соседний балкон. Если повезет, то там будет лестница.

Я рванулась напрямик к выходу, но каблук моей левой туфли зацепился за ковер, и я врезалась прямо в официанта, который нес поднос с позолоченными блюдами, накрытыми полированными серебряными куполами. Стейки вместе с гарнирами взлетели в воздух.

С веточкой брокколи в волосах и беарнским соусом на рукаве я ворвалась на балкон через двойную дверь. К моему великому разочарованию, там не было ни лестницы, ни выхода. Я попала в ловушку.

Почувствовав кожей холодный воздух, я задрожала, прислонилась к перилам, обхватила себя руками и посмотрела в ночное небо. Глупо было думать, что я смогу вписаться в этот мир.

Я опустилась на пол, натянув платье на колени, чтобы согреться, – леди так себя не ведут, но мне было все равно. Но через несколько минут балконная дверь со скрипом открылась, и я вскочила. У меня появилась компания. Сигарный дым окутывал чье-то лицо и цилиндр.

– Дорогая, что, черт возьми, вы здесь делаете? Тут же собачий холод! – воскликнул человек; дымовая завеса рассеялась, и я увидела его высокую фигуру и полное достоинства лицо. Он был старше меня лет на десять или больше. – Где ваше пальто? Вы замерзнете насмерть.

Я кивнула, пытаюсь успокоиться.

– Я... просто хотела подышать свежим воздухом.

Мужчина с любопытством посмотрел на меня, и его губы медленно сложились в улыбку.

– Или, может быть, вы от кого-то прячетесь?

Я вздохнула, разглядывая вымазанный соусом рукав.

– Вы же видели, что... там произошло. – Я отвернулась от его пристального взгляда. – Пожалуйста, сэр, просто оставьте меня в покое. Для одного вечера мне уже достаточно.

– Не представляю, о чем вы, но если вы немедленно не зайдете внутрь, то умрете от переохлаждения. – Я вздрогнула, и тут он вдруг снял смокинг и накинул мне на плечи изысканно кроенную одежду, еще теплую от его тела.

– Спасибо, – сказала я, поправляя воротник так, чтобы он закрыл мне шею. От него пахло сосной и еще чем-то, знакомым, но неуловимым.

– Вы и вправду не видели, какой я учинила... разгром?

Он покачал головой, и в выражении его лица проглядывало что-то обезоруживающее, так что я вдруг начала рассказывать о череде катастроф, которые привели меня на балкон. Я со вздохом указала на свой рукав.

– И, точности ради, это беарнский соус.

Он рассмеялся, но без издевки.

– Вам очень идет.

– Нынче это модно, – ответила я, ободренная его добрым взглядом.

Он с интересом склонил голову вправо, как будто пытаюсь понять, что я за птица.

– Кажется, я раньше не видел вас здесь. Иначе не забыл бы, смею вас заверить. – У него был низкий голос, и говорил он с обезоруживающей уверенностью. – Пойдите-ка, – он как

будто что-то вспомнил. – Вы были здесь в прошлые выходные на той дурацкой вечеринке, которую устраивал старый виконт?

– Да, – быстро сказала я. Ложь слетела с моих губ с такой скоростью, что я сама поразила собственную наглость.

– Эта речь, которую он произнес! – сказал он. – Длиннее некуда!

– И скучнее! – добавила я, все глубже увязая во вранье.

Он улыбнулся.

– Почему мы до сих пор не знакомы? Вы... не такая, как большинство здешних дам.

Мои щеки вспыхнули.

– Я говорю это как комплимент, мисс...

– Уилкинс. Элоиза Уилкинс.

– Мисс Элоиза Уилкинс, – повторил он, снова затянувшись забытой было сигарой и бросив взгляд через окно в зал. – Эти дамы... Ну, как бы это поделикатнее выразиться? – Помолчав, он кивнул. – Они совсем... не запоминаются, – все одинаковые, до кончиков перчаток.

Я поначалу решила, что это завуалированный выпад на предмет моих рук без перчаток, но мысль исчезла, когда он потянулся к моей руке и церемонно поцеловал мое обнаженное запястье.

– Как поживаете?

– Ну, должна признаться у меня бывали вечера и получше... – Я отняла ладонь и спрятала руки обратно в тепло его пиджака.

– Скажите мне, – продолжал он, улыбаясь, – ваши родители давно члены этого клуба?

Я неопределенно кивнула.

– Мой отец был... очень скрытным человеком. Он... хранил свое имя и деловые интересы подальше от глаз общественности. После его смерти... все перешло в... доверительное управление в пользу нас с матерью.

– Похоже, толковый был человек, – сказал он, – и достойный восхищения.

Если бы он только знал, как это далеко от истины.

– Только поглядеть на нас: стоим на холоде возле самого душного клуба в Лондоне, где нам потребовалась целая жизнь, чтобы встретиться.

– И что привело вас сюда сегодня? – спросила я, пытаюсь отвлечь его от моего прошлого.

Он с любопытством улыбнулся мне, потирая точеный подбородок.

– Вижу, теперь ваша очередь наводить справки?

– Может быть, – сказала я в том же тоне.

Он пожал плечами.

– Все очень просто. Мой отец сделал себе имя в автомобильном бизнесе, и членство в клубе было необходимостью. Он вздохнул – А ответ на вопрос, почему я здесь, еще проще: я хороший сын.

– То есть?

– Видите ли, мисс Уилкинс, если вы старший сын и вам только что исполнилось тридцать четыре, как мне, а женитьба даже не маячит на горизонте, родные, естественно, начинают как одержимые подыскивать вам невесту. – Он затянулся сигарой. – Сегодняшний вечер – последняя и худшая попытка моей сестры.

Я улыбнулась.

– Значит, насколько я понимаю, стадия необратимости не наступила?

Он подошел ближе к окну, жестом приглашая меня следовать за ним.

– Видите женщину за столом в центре зала – розовое платье, перья на шляпе?

Я посмотрела на стильно одетую женщину с широкими скулами и сияющей кожей.

– Красавица, – сказала я, поворачиваясь к нему. – В чем же проблема?

Он оглянулся на зал.

– Я бы предпочел навсегда остаться холостым, чем иметь скучную спутницу жизни. По его лицу пробежала тень сожаления, а может быть, тоски.

– Хотя здесь и душно, это превосходное место, ведь правда? – Он наклонился ближе. – Не далее как в прошлом месяце вон за тем столиком сидела принцесса Маргарет. – Он указал в окно. – Возможно, вы видели ее.

Я кивнула. Спасибо, что он не стал выпытывать у меня подробности.

– Когда мы переехали в Лондон из деревни, мне было восемь, – продолжал он. – Нашу семью пригласили сюда на приветственный обед. Мама настаивала, чтобы я надел костюм, и я закатил поистине королевский скандал. Что касается сегодняшнего вечера, сестра узнала, что я встречаюсь здесь с группой американских бизнесменов, и обманом заставила меня остаться на ужин. – Он улыбнулся, и я тут же подумала о Фрэнке. – Американцы... они все говорят, как...

– Ковбои, – закончили мы хором и рассмеялись.

На долгое мгновение наши взгляды встретились, и я подавила очередной приступ дрожи. Он затушил остаток тлеющей сигары о выступ балкона.

– Не хотите сигарету? – спросил он, вытаскивая пачку из кармана рубашки.

У меня никогда не было привычки курить, но я почему-то кивнула, и секунду спустя мы оба пускали клубы дыма и смотрели, как они сталкиваются в холодном воздухе.

– А как же ваша дама? – спросила я, ощущая тень сочувствия к женщине за столиком.

Он пожал плечами.

– С ней все в порядке. Она весь вечер строит глазки бармену.

– Ну, и как будем отсюда выбираться? – спросила я, глядя на него снизу вверх. – Похоже, с этого балкона нет выхода. Кажется, мы...

– Застряли, – хором заключили мы. Я быстро отвела глаза от его пристального взгляда.

– Похоже на то. – Он снова зажал во рту сигарету. – Январь – пора суровая.

Я кивнула.

– Моя мама всегда зимой хандрит, но каждый день ждала предвестия весны, когда первые зеленые побеги пробиваются сквозь землю. Она всегда говорила: «Подожди, скоро пойдут нарциссы». – Я улыбнулась. – Мне нравились эти ее слова. До сих пор нравятся. – Я понятия не имела, почему рассказываю ему такие вещи; это казалось естественным, словно я беседовала со старым другом.

– Это прекрасно, – сказал он.

– Да, все в ней было прекрасно. – Наши взгляды снова встретились. – Она умерла несколько лет назад.

– Мне жаль, – сказал он, слегка коснувшись моего плеча. Я почувствовала, как тепло его руки потекло вниз, до самых кончиков пальцев.

– Теперь она обрела покой. – Я замолчала, тщетно оглядывая заснеженный сад под окном в поисках хоть каких-то признаков нарциссов. – Январь – не просто самый холодный месяц в году. С ним приходит чувство, как будто весь мир катится под откос, потому что Рождество наступит...

Мы закончили фразу хором:

– Только через год.

Он смотрел мне в глаза с задумчивой улыбкой.

– Знаете, если мы так и будем заканчивать фразы друг за друга, мне, возможно, придется... – Он осекся и переключился на ночное небо. – Посмотрите на звезды, они изо всех сил стараются, чтобы их было видно сквозь все эти городские огни. Словно битва между двумя противниками: вечность против современности.

Я улыбнулась ему: мне стало любопытно.

– Вечность победит?

– Вечность всегда побеждает, – продолжал он. – И это очень утешает, правда?

Я не была до конца уверена, что поняла его правильно, но мне понравились его слова. Он указал рукой на Лондон внизу; я слушала как зачарованная.

– Все это построил, изобрел, создал человек. Но, как бы это ни было замечательно, звезды появились здесь раньше. – Он сделал глубокий вдох. – Они мудрее.

Я изумленно уставилась на него, словно он высказывал мысли, которые всегда жили во мне, хотя у меня не находилось для них слов.

– Природа, Бог, называйте как хотите – это больше, чем мы. Больше и могущественнее всего, что мы можем сделать или о чем можем мечтать.

Я кивнула.

– Значит, по-вашему, все, что случается, случается не потому, что мы так захотели, а потому, что это было частью плана?

– Да, или по-настоящему хорошего романа.

Я почувствовала его пристальный взгляд на своей щеке, но продолжала смотреть в ночное небо.

– И вы верите, что все это должно было случиться? Все, что происходило в зале, и то, что мы вот так встретились?

Он кивнул.

– Верю.

– А что дальше?

– Ну, – ответил он, не сводя с меня глаз. – Кто знает. Может быть, я в конце концов стану вашим лучшим другом или даже... любовью всей жизни.

– Что за самонадеянность, – поддразнила я, отмечая при этом, что в моем сердце, условно, что-то сдвинулось.

– Кто знает, – повторил он. – А может быть, мы никогда больше не увидимся, и это станет приятным воспоминанием.

– Соус на моем рукаве и все прочее, – добавила я со смехом.

Он широко улыбнулся.

– Мне нравятся женщины, умеющие смеяться над собой. Это редкая черта.

– Да неужели?

Он кивнул.

– Мы, англичане, слишком серьезны. Вот почему я решил сделать татуировку. Но если вы когда-нибудь познакомитесь с моей матерью, то должны все отрицать.

– Татуировку?

Помолчав, он расстегнул две верхние пуговицы рубашки, так что открылось мощное плечо, на котором виднелись очертания... скрипки.

Я удивленно покачала головой.

– Вы играете на скрипке?

– Никогда даже не брал в руки смычок, но мне всегда хотелось, чтобы у меня в ушах звучала музыка. – Он улыбнулся. – Понимаете?

Я кивнула. *Я буду музыкой для твоих ушей.* Хотя он не мог слышать моих мыслей, щеки у меня горели, несмотря на холодный воздух, обжигавший кожу. Поднялся ветер, и я поплотнее запахнула на себе его пиджак.

Он это заметил и воспринял мое смятение как сигнал, чтобы сменить тему.

– Итак, как долго вы намерены здесь прятаться? Неделю? Месяц?

Я улыбнулась.

– Столько, сколько потребуется.

– Если вы ждете, что территория очистится, то зря. Вы ведь наверняка знаете, что многие снимают здесь апартаменты и засиживаются допоздна за выпивкой и картами. – Заметив мое

разочарование, он окинул взглядом сад под балконом. – К счастью, у меня есть план. Не знаю, почему не подумал об этом раньше.

Он подвел меня к левой стороне перил, и я вытаращила глаза.

– Видите? – воскликнул он. – Приставная лестница. На этой неделе в здании будут ремонтировать крышу. Вам только и нужно спуститься вниз, а потом выскользнуть через черный ход. Вуаля.

– Вуаля, за исключением того, что я до смерти боюсь приставных лестниц. А если я поскользнусь?

– Дорогая моя, что хуже? Лестница или эти волки в зале?

Я прикинула свои возможности и решительно кивнула.

– Выбираю лестницу.

– Отлично, – сказал он с улыбкой. – Я пойду первым и подстрахую вас снизу.

Я наблюдала, как он перекинул свое сильное тело через перила и начал спускаться, напрягая мышцы под свежесглаженной рубашкой.

– Давайте, – позвал он снизу. – Ваша очередь.

Мое сердце учащенно забилося, но я последовала его примеру и перебросила свое тело через перила – в точности как он, но с гораздо меньшей ловкостью. Я поставила ногу на первую ступеньку, лодыжка немного дрожала, но мне удалось удержаться.

– Отлично справляетесь, – похвалил он. – Теперь вниз, медленно и уверенно.

Внезапно меня поразила нелепость момента – грандиозный побег с катастрофического свидания, – я начала смеяться, тут же потеряла равновесие и поскользнулась.

– Я вас держу, – сказал он, когда я упала спиной вниз и приземлилась в его объятия.

Запыхавшаяся и смущенная, я посмотрела на его доброе лицо и в его теплые, мудрые карие глаза.

– Я... я же говорила, что не дружу с лестницами.

Он взглянул на балкон.

– Зато вы, может быть, только что научились летать.

Он поставил меня на ноги, и я ухмыльнулась.

– Побег удался.

– Да уж, – сказала я, разглаживая платье. Спасибо... – Я помолчала. – А я, кажется, так и не знаю, как вас зовут.

– Эдвард, – представился он, протянув мне руку. – Эдвард Синклер.

– Что ж, – ответила я, выскальзывая из его пиджака. – Было... приятно познакомиться с вами, мистер Синклер. Я... пожалуй, пойду.

Он покачал головой и снова накинул пиджак мне на плечи.

– Мы не закончили разговор, – сказал он. – Разговор, который, я надеюсь, будет продолжаться. Если вы сейчас уйдете, как я вас снова найду?

Я слушала, с трудом веря своим ушам.

– Давайте встретимся здесь завтра вечером. В семь. Я знаю тихое местечко с божественными напитками, и подозрительные личности там не шныряют.

– Хорошо, – улыбаясь, сказала я.

Вместе мы прошли к черному ходу на подвальном этаже и поднялись по тускло освещенной лестнице в коридор, который вел в вестибюль.

– Ну все, – сказал он. – Мне, наверное, пора.

Я улыбнулась.

– Ничего, я доберусь до дома сама.

– До завтра, – сказал он с церемонным поклоном.

Я смотрела, как он идет вперед и сворачивает направо, вероятно, в зал, чтобы завершить свое нелепое свидание по-джентльменски. Я невольно пожалела, что женщина, к которой он возвращается, – не я.

– Вам нужна машина, мэм? – спросил швейцар внизу лестницы, приподняв фуражку.

Я выглянула в окно и посмотрела на ясное ночное небо. Нет, я еще не готова вернуться домой. Мне хотелось еще побыть в этой части Лондона моей мечты.

– Нет, спасибо, – сказала я, переведя взгляд на тротуар. И вдруг кто-то налетел на меня сзади.

– Пожалуйста, извините, – сказал мужской голос со знакомым американским акцентом.

Я улыбнулась про себя: *ковбой*.

Он положил свою огромную ладонь мне на предплечье, на его загорелом лице вспыхнуло беспокойство, и тут он узнал меня.

– Элоиза?

– Фрэнк?

– Что ты здесь делаешь?

– Я... встречалась... с другом, – пробормотала я, тщательно подбирая слова и потирая бок в том месте, где его здоровенная фигура столкнулась с моей. Я заставила себя улыбнуться. – А ты что здесь делаешь?

– У меня была встреча с инвесторами, с теми, о которых я тебе вчера рассказывал, – ответил он, взглядываясь в мое лицо и ища на нем хоть какой-нибудь знак того, что я не забыла вчерашний разговор. Честно говоря, я его помнила очень смутно.

– Ну конечно, – быстро сказала я. – И как прошла встреча?

– Отлично. Похоже, мы заключили сделку. Контракт на огромную сумму.

Хотя он не раз объяснял мне, чем занимается, я мало что понимала, кроме того, что он работает в крупной производственной корпорации в Лос-Анджелесе. Его мешковатые костюмы вводили в заблуждение: Фрэнк был богат, очень богат. Может быть, даже миллионер.

– Это... замечательно, – сказала я, рассеянно оглядываясь на вход в клуб и все еще видя перед собой лицо Эдварда.

– Чей это пиджак? – На мгновение его мальчишеская улыбка померкла, и я уловила на его лице выражение ревности, даже недоверия.

– Я... забыла пальто в метро. – Я уже лгала направо. – И один добрый пожилой джентльмен одолжил мне пиджак.

Улыбка Фрэнка мигом вернулась на место, и он выскользнул из собственного помятого пиджака.

– Пожалуйста, надень мой. Я настаиваю.

Я покачала головой.

– Нет-нет, все в порядке. Холодно, замерзнешь без пиджака. А этот я... верну в клуб... завтра по дороге на работу.

Он кивнул, на мгновение успокоившись. Темный автомобиль подъехал и остановился рядом с нами.

– Это мой, – сказал он. – Могу я... пригласить тебя куда-нибудь?

Я покачала головой.

– Спасибо, но... Мне правда пора...

– Всего на один глоток, – сказал он, не переставая улыбаться. Свет уличных фонарей отражался в его бледно-зеленых глазах и открывал редкие у лба волосы. Конечно, он не обладал ни обаянием Роджера Уильямса, ни изысканными манерами Эдварда Синклера. Зато Фрэнк смотрел на меня – настоящую! – как на богиню, и это казалось... приятным.

– Я знаю неподалеку одно местечко. Там подают гнусные коктейли, а если повезет, – он умолк и взглянул на свои золотые часы, – мы можем успеть на выступление комика. Что скажешь?

Я хотела отказаться. Нужно было отказаться, но Фрэнк улыбался настолько нетерпеливо и заразительно, что уголки моих губ помимо моей воли поползли вверх.

– Это значит «да»?

Я смущенно огляделась, как будто сами стены Королевского автомобильного клуба могли шпионить за мной.

– Хорошо, – наконец сказал я. – Но только один глоток.

– Только один, – подтвердил он, помогая мне сесть в машину. Придержав платье, я подвинулась на сиденье, чтобы он мог сесть рядом.

– Тебе бы понравилась Калифорния, – заговорил Фрэнк, когда шофер завел двигатель и вырулил на проезжую часть.

«Очень может быть», – подумала я, вполуха слушая, как он болтает о своем любимом штате: пальмы, океан, солнце. Об Америке я знала только из телевизора, и все это казалось прекрасным, но далеким, как на открытке.

Мы вышли из машины недалеко от Мейфэйра. Из ближнего клуба доносились звуки саксофона. Мы отыскали свободный столик, и Фрэнк заказал нам по мартини. Пока я занималась оливками в своем бокале, он рассказывал об успешной сделке и сообщил, что собирается назад в Калифорнию.

– Может быть, ты... поехала бы со мной, – смущенно сказал он. – Погостить.

– О, Фрэнк, – ответила я. – Это очень... мило с твоей стороны, но мы ведь знакомы всего ничего.

– Знаю, – согласился он. – Но не представляю, как уеду из Лондона... без тебя.

Я наконец поняла, что Милли оказалась права кое в чем еще.

– Ты... очень хороший, – продолжала я, снижая обороты. – И мне с тобой очень интересно, не сомневайся. Но пойми, сейчас мне... слишком рано принимать такие важные решения.

– Ну конечно, – быстро сказал он, касаясь моей руки. – Я и не думаю тебя торопить, просто... Я никогда не встречал такой девушки, как ты, и мне больно думать, что нас будет разделять океан.

Я сделала большой глоток мартини. У меня не было слов.

– Послушай, есть другой вариант, – продолжал он. – Я могу остаться еще на пару месяцев. Босс не будет возражать. Здесь еще куча работы. Мы могли бы... не спешить, узнать друг друга получше. Что скажешь?

– Я... ну... – Я сглотнула, не зная, что сказать. – Фрэнк, пожалуйста, не стоит менять планы из-за меня.

– Значит, ты не хочешь, чтобы я остался?

– Конечно, я буду рада, если ты останешься. В смысле, хочу сказать, я не хочу, чтобы ты уехал... – Я говорила сбивчиво и невразумительно. Но для Фрэнка мои слова звучали райской музыкой.

– Тогда решено, – уверенно заявил он. – Я продлю командировку, и мы будем проводить больше времени вместе.

Я не очень понимала, на что сейчас согласилась, но Фрэнк вдруг заказал нам еще по мартини, и мы подняли тост за наше будущее.

– Позволь пригласить тебя завтра на ужин, – сказал он, сияя. – Куда хочешь. Хоть в «Ритц».

Конечно же, внимание Фрэнка мне льстило. Он смотрел на меня так, словно я была наследницей престола, а не продавщицей из «Хэрродса», выросшей в трущобах Ист-Энда. Но завтрашний вечер исключался. Меня уже пригласил Эдвард.

Я покачала головой, но он не отставал.

– Тогда послезавтра?

– Хорошо, – сказала я, не в силах придумать отговорку.

Перед уходом я заказала два кофе с собой. Мы вышли из клуба, и Фрэнк с удивлением посмотрел на меня.

– Я не пью кофе.

– Я знаю, – сказала я. – Это для...

– Разрешите подвезти тебя до дома, – сказал он, наклонившись ко мне, когда его шофер подъехал к тротуару.

Я покачала головой.

– Спасибо, но все в порядке. Я лучше... поймаю такси.

– Давай, это же нетрудно.

Когда я отказалась во второй раз, он протянул мне несколько фунтов на такси. Я чувствовала одновременно и вину, и облегчение. Зарплата только в следующую пятницу, а мой кошелек худел на глазах.

– Скорее бы четверг, – сказал Фрэнк, помогая мне сесть в такси. Мы отъехали, и я помачала ему на прощание.

– Вот. Это вам. – Я протянула таксисту кофе.

– Правда мне?

Я кивнула.

Он сделал глоток.

– Мисс, и как вы догадались, что мне именно это и нужно? Я выехал в ночную смену в первый раз после того, как жена родила дочку.

– Поздравляю, – сказала я.

– Она чудесная девчушка, – продолжал он. – Хотел бы я, чтобы ей жилось не хуже, чем таким леди, как вы. – Он помолчал. – Я бы подарил ей весь мир, но я всего лишь таксист.

Я улыбнулась.

– Я вижу, как сильно вы ее любите, и этого уже достаточно.

– Знаю, – сказал он. – Ох, что-то я разболтался. Куда едем, мисс?

Я продиктовала свой адрес и заметила в зеркале заднего вида, что он вытаращил глаза.

– Видите ли, – начала я. – Женщина не может ничего поделать со своим происхождением, но то, кем ей стать, полностью в ее власти. Обязательно скажите это своей дочурке.

Водитель улыбнулся.

– Обязательно, мисс.

Я медленно пила кофе и вспоминала весь этот странный вечер, который начался с позорища и закончился неожиданностью. Я улыбалась, думая о Фрэнке с его серьезными чувствами, и об Эдварде... О загадочном Эдварде.

Перед домом я заплатила за проезд и сказала «спасибо» водителю, который, когда я вышла, благодарно помачал мне стаканчиком с кофе. Температура снова упала ниже нуля, и я была рада, что на мне пиджак Эдварда. Обогнув здание, я двинулась по дорожке к лестнице, которая вела к нам на третий этаж. Я прошла мимо нашего садика на аллее, где Милли летом выращивала в керамических горшках травы и помидоры.

Придет весна, и этот унылый покров из грязного снега и комьев смерзшейся земли сменится симфонией жизни – мяты, орегано, тимьяна и, конечно, цветов. Ох, как я соскучилась по цветам.

Нащупывая в сумочке ключ, я заметила бледно-зеленые ростки нарциссов, пробивавшиеся сквозь сонную почву с решимостью тысячи весен. Скоро они победно расцветут.

«Подожди, – услышала я мамин шепот. – Скоро пойдут нарциссы».

Глава 3

Валентина

– Неплохо вы поспали, – говорит водитель, улыбаясь в зеркало заднего вида. – Но надо же, проснулись как раз вовремя. – Он указывает вперед. – Видите?

Я протираю глаза и выглядываю в окно. Лучи позднего утреннего солнца пробиваются сквозь темные облака и освещают все вокруг яркими красками.

– Воскресенье в Примроуз-Хилл, – говорит водитель. – Нет ничего прекраснее.

Я смотрю на высокие узкие таунхаусы и ряд витрин магазинов – все в пастельных тонах, как пасхальные яйца.

– Видите высокие окна? – говорит водитель. – Архитектура эпохи Регентства в лучшем виде, хотя они, скорее всего, были построены в викторианские времена. Маленькие копии шикарных вилл, окружающих Риджентс-парк.

«*Высокие окна*», – думаю я. Значит, высокие потолки. Высокая комната, залитая солнечным светом. Бальзам, который сейчас так требуется моей душе.

– И хотя это совсем близко к центру Лондона, – говорит водитель, – Примроуз-Хилл, как ни странно, расположен на возвышенности. Шестьдесят три метра над уровнем моря.

Я улыбаюсь: хорошо, что мне попался такой осведомленный таксист.

Несколько минут спустя он останавливает машину перед бледно-розовым трехэтажным зданием. «КНИЖНЫЙ САД» – гласит вывеска над дверью первого этажа. На нее садится голубь, клюет ее крашек и взмывает вверх. Я слежу за его полетом и замечаю, что шторы на двух верхних этажах задернуты. С подоконников свисают увядшие цветы. Все это выглядит совершенно ненастоящим. Эта сцена словно сошла со страниц любимого старого романа и не имеет ничего общего с моей расхристанной жизнью.

– Должно быть, это здесь, – говорю я, расплачиваясь. Водитель выгружает мои чемоданы на обочину.

– Добро пожаловать домой, – говорит он.

– Разве я говорила, что...

– Думаю, вам здесь понравится, – перебивает он. – Вот увидите.

Я озираюсь, осваивая это незнакомое место, обстановку, в которой без меня жила мама. В кресле у окна греется на солнышке пушистый кот. Я почти слышу сквозь стекло его мурлыканье, как будто он зовет меня войти. Я тянусь к дверной ручке: заперто. Мои внутренние часы отключены, поэтому я не сразу соображаю, что сейчас воскресное утро, слишком раннее для того, чтобы книжный магазин на окраине работал.

Я обхожу здание по узкой дорожке, ведущей к другому входу, роюсь в сумке и нахожу ключи от дома, которые мне прислала компания «Бевинс и партнеры». Дверь открывается со скрежетом, как будто потягиваясь после долгого сна. Я сгружаю чемоданы в маленькой прихожей. Нет смысла тащить их наверх, ведь у меня уже заказан номер в гостинице поблизости.

Лестница скрипит и стонет под моими ногами. Я поднимаюсь в квартиру на втором этаже и стучу в дверь, чтобы представиться ее обитателям.

Мне открывает женщина примерно моего возраста, лет тридцати с небольшим: к правому уху прижат мобильный телефон, лицо в ореоле прекрасных темных кудрей. Она выпускает струю дыма и жестом приглашает меня внутрь.

– Ради бога, – шепчет она. – Помогите мне, пожалуйста.

Она протягивает мне две прихватки и указывает на духовку. Я быстро вынимаю оттуда сковороду с неопишуемым содержимым. Воскресный завтрак явно погублен.

– Спасибо, – произносит она одними губами. Я кашляю, отгоняю от лица облако дыма и оглядываю квартиру с разномастной богемной мебелью и разбросанными повсюду разноцвет-

ными подушками. На стенах яркие картины в рамках, десятки комнатных растений рвутся из горшков на волю, словно растут в тропическом лесу, а не в лондонском предместье. У окна в бамбуковой клетке щебечет желтый попугай.

– Да, сэр, безусловно, сэр, – говорит она в трубку. – Именно. Я так и сделаю. Считайте, что уже сделала. До свидания, сэр.

Закончив разговор, она со стоном швыряет телефон на диван, как будто он был соучастником в злосчастной цепи событий, приведших к этому моменту.

– Босс, – говорит она. – Патентованный мудака. – Она вскидывает руки вверх. – Он придет через час, – скулит она. – И что теперь делать с ланчем?

– Кто, босс?

– Нет, – говорит она, глядя на меня как на идиотку. – Джереми.

Я киваю, чувствуя, как на меня накатывает очередная волна джетлага⁴.

– Джереми?

– Мой парень!

– Ясно, – говорю я.

– Он воображает, что его тут ждет ланч, как в пятизвездочном отеле, – говорит она. – Воображает, что я шеф-повар высшего класса!

Я бросаю взгляд на обугленную сковороду.

– А вы, как я понимаю, немного на это счет приврали?

Она вздыхает.

– И какой дурак повесил в кулинарном блоге рецепт фриттаты и не сказал, сколько ее готовить?

Я изо всех сил стараюсь сдержать смех. Покойся с миром, дорогая фриттата!

– Теперь ей каюк. И что мне делать?

Она мне сразу понравилась.

– Но ведь всегда есть... еда навынос?

Она мотает головой.

– Нет, нет, нет! Это всего лишь третье свидание. Какая еда навынос на третьем свидании!

– О-о-о, – говорю я, отмечая, что на кухне еще больше растений в горшках, и все они здорового ярко-зеленого цвета.

– Вы не умеете готовить, но явно умеете заклинать растения.

– Похоже на то, – говорит она со вздохом.

Я протягиваю руку.

– Я Валентина Бейкер.

Уголки ее рта приподнимаются: до нее что-то дошло.

– Ого! Дочь Элоизы!

– Ну да...

– Что же ты сразу не сказала?

– Я... как раз хотела. Но ты разговаривала по телефону.

– Ну и ладно, – говорит она, убирая со лба выбившийся локон. – Мне так жаль твою маму. Я по-настоящему любила ее. – Она наклоняет голову. – А ты на нее совсем не похожа. Наверное, вся в отца.

– Ну да, наверное...

– Вот и я похожа на отца, – задумчиво говорит она. – Хотя у папы есть свои достоинства. – Она кладет правую руку на бедро. – Вот, например, я унаследовала его ноги.

Она задирает ногу выше головы, как танцовщица из Rockettes⁵. Я улыбаюсь про себя.

⁴ Синдром смены часового пояса.

⁵ Нью-йоркский женский танцевальный коллектив, основанный в 1925 году в Сент-Луисе (штат Миссури, США).

– Нет, постой, – говорит она, наклоняя голову вправо. – Теперь вижу. Твои глаза – у них необычный разрез. Совсем как...

– Послушай, – говорю я, кашлянув. – Я не хочу тебя задерживать. Я просто... надеялась, что мы сможем поговорить о... квартире.

Она кивает.

– О, не волнуйся. Я не из тех, кто расторгает аренду или что-то в этом роде. К тому же мне здесь очень нравится. Конечно, не Букингемский дворец, и зимой жуткие сквозняки, но знаешь что? – Она замолкает и оглядывает свое беспорядочное жизненное пространство. – Ни одно место, где я жила, не нравилось мне так, как это. Так что я, может быть, вообще никогда не съеду.

– Ладно-ладно, – говорю я. Меня услышанное немного удручает. Если у меня и теплилась хоть какая-то надежда продать дом, получится это труднее, чем я ожидала.

– Я Лайза, – продолжает она, протягивая руку. – Слушай, если ты свободна завтра днем, с удовольствием покажу тебе окрестности.

– О, здорово, – говорю я. – Спасибо. Очень... мило с твоей стороны.

Ее минутное спокойствие исчезает в мгновение ока.

– Елки-палки, мне же нужно готовиться. Черт, что бы такое надеть? – Она бежит в спальню и возвращается с двумя платьями на вешалках – одно розовое с ярко-оранжевыми цветами, другое однотонное, голубое, с пояском на талии. – Что скажешь? Не слишком много розового?

Я, улыбаясь, качаю головой.

– Нет, точно надевай розовое. Твой стиль.

– Правда? – Она тут же сдирает спортивные штаны и футболку и влезает в платье. «Молния» заедает, и я предлагаю помочь.

Она разглядывает себя в висящем на стене зеркале в полный рост и пожимает плечами.

– На Новый год я пожелала себе сбросить десять фунтов, но набрала двенадцать.

Я улыбаюсь:

– Выглядишь классно, не сомневайся.

– Ну ладно, – со вздохом говорит она. – Остается только заказать еду навынос и красиво подать, чтобы скрыть улики!

– Удачи, – говорю я и выхожу.

Закрыв за собой дверь, я слышу звон разбившейся тарелки и возглас Лайзы: «Ё-мое!»

Улыбаясь про себя, я поднимаюсь на третий этаж, где столько лет жила мама – без меня. Подхожу к двери – ее двери – и останавливаюсь, вспоминая, как когда-то мечтала об этом самом моменте: снова быть рядом с ней.

Почему она уехала? Почему никогда не писала и не отвечала на мои письма? Я вставляю ключ в замок, чувствуя волнение. Столько лет прошло, а детская боль осталась такой же острой, такой же настоящей.

В детстве я мечтала сбежать в Лондон: вот я появлюсь на ее пороге, и все будет хорошо. Но со временем привычная тоска переросла во что-то другое – обиду и гнев, и ко времени, когда я уехала в колледж, мне больше не хотелось воссоединения с бросившей меня женщиной. Она для меня как будто умерла.

А теперь она вправду умерла.

Прежде чем открыть дверь, я делаю глубокий вдох, чувствуя себя пожарным, прибывшим в дом после того, как он уже сгорел дотла. Бессильной и опоздавшей.

Я переступаю порог. Чужой, застоявшийся воздух. Но потом, раздвинув шторы и открыв старое окно, я ощущаю слабый, но знакомый аромат. Я не сразу понимаю, что это, но вдруг до меня доходит. Ее духи. Ее розовые духи. Воспоминания наплывают, и я ощущаю, как внутри

все начинает дрожать. Просторная, солнечная ванная комната в Санта-Монике. Я совсем маленькая. Она сидит перед зеркалом в длинном розовом атласном халате.

– *Мамочка, можно накрасить губы твоей помадой?*

– *Когда подрастешь, милая.*

Я наблюдаю, как она тщательно накладывает три слоя туши, а потом предлагает мне капнуть духами на внутреннюю сторону запястья. Я подношу руку к носу и вдыхаю густой, бархатистый аромат роз.

По улице с грохотом проезжает красный двухэтажный туристический автобус и возвращает меня в настоящее. Я провожу рукой по мягкому розовому бархатному дивану. Низкий столик уставлен фотографиями в рамках: незнакомые люди, незнакомые места.

Внезапно сердце у меня сжимается. Одна фотография в позолоченной рамке стоит отдельно от прочих. Моя.

Рождественское утро, год, когда мне подарили кукольный домик, мне лет семь или восемь. Все утро мы с мамой приводим в порядок комнаты. Воспоминание очень далекое, но я все еще чувствую пряный мускусный запах кедровых стен и пластиковых блестящих волос моих новых кукол. Я вижу снежную белизну маленькой фарфоровой ванны с четырьмя когтистыми ножками. Я поставила миниатюрный диванчик на втором этаже, но мама перенесла его на первый, к боковому окну: «Отсюда лучший вид на сад».

Она права. Она всегда была права.

Я вздыхаю и переключаю внимание на маленькую, но хорошо оборудованную кухню. Винтажный холодильник кремового цвета заперт на латунную защелку, а старая газовая плита выглядит так, будто ее следует звать «Марселина», или, может быть, «Бабетта».

Я восхищаюсь расставленной на открытых деревянных полках керамической посудой цвета морской волны от Рассела Райта⁶. Эта линейка появилась в 1939 году, и цвет тогда считался самым модным; она об этом знала по своей работе в «Хэрродсе». Я представила себе, как она выбирает плоску с ручками и ест из нее любимые блюда: яйца пашот, свежие ягоды, политые жирными сливками.

Я подхожу к креслу у окна. На подушке лежит светло-серая кашемировая накидка. Я прижимаю мягкую ткань к лицу, вдыхая запах моего детства, мамин запах. Как будто она только что вышла, а не ушла навсегда.

На меня накатывает волна усталости, но я заглядываю в спальню и вижу на комодe ее шкатулку с драгоценностями. Открываю ее и снова погружаюсь в воспоминания. Мама обожала красивые вещицы, в том числе бижутерию. Ее любимым брендом был «Трифари»⁷, особенно линия с геометрическим дизайном в стиле ар-деко 1930-х.

«Дизайнер Альфред Филипп учился своему ремеслу у Картье и в Van Cleef & Arpels, – наставляла она меня. – Ищи незаметную оправу камня. Он довел эту технику до совершенства».

Она учила меня распознавать подлинность вещи. Обязательно должна быть марка КТФ, или «Корона Трифари» – значок короны над буквой «Т». Она брала меня с собой на распродажи, и если я замечала такой значок, то должна была передать ей вещицу незаметно, чтобы никто не понял, что мы нашли сокровище.

– У «Трифари» делали украшения для первых леди и голливудских звезд, – говорила она, – но вкусы меняются.

Но ее вкус оставался неизменным. Я беру в руки старый браслет в стиле ар-деко из стекла и серебра. Такой же элегантный, как она сама.

⁶ *Рассел Райт* (1904–1976) – американский промышленный дизайнер. Его линия столовой посуды «Американский модернизм» пользовалась большой популярностью начиная с 1939 г.

⁷ Известный американский бренд бижутерии.

Я перевожу взгляд на кровать. Гладкое покрывало и мягкие подушки, все чистое, так и тянет лечь. Хотя мои веки совсем отяжелели, я не могу не заметить на прикроватном столике книгу. Корешок из изумрудной ткани безупречно сохранился, так же как и страницы с позолоченным обрезаем. Я мгновенно все понимаю. Я давно мечтала увидеть первое издание «Своей комнаты» Вирджинии Вулф, но оно мне ни разу не попадалось. А теперь оно в моих руках. Я осторожно листаю страницы. Интересно, это была последняя книга, которую мама читала перед смертью, или просто символ, мантра для жизни, которую она выбрала? Я откладываю книгу, и из нее выскальзывает маленький конверт. Я тянусь за ним и вижу свое имя, написанное изящным маминым почерком. «Валентина», буква «а» в конце переходит в идеальный росчерк. Я никогда не смогла бы так написать свое имя, как бы ни старалась. Дрожащими руками я надрываю конверт с краю и достаю листок.

Милая моя Валентина,

Добро пожаловать в Лондон. У меня для тебя так много сюрпризов. Только подожди. Но сначала я отправляю тебя на небольшую охоту за сокровищами. Помнишь, как ты это любила? Я тоже, и училась этому у лучших охотников.

Мне так много нужно сказать, так много показать тебе. Но сначала, умоляю тебя, копай глубже – наши последние весны, лета и осени, но прежде всего последняя зима.

Найди меня. Я буду ждать.

С любовью, мамуля

Я смагиваю слезы, сердце бешено колотится от эмоций и вопросов. Она знала. Знала, что я приду сюда, в ее комнату. Она знала, что меня как магнитом потянет к этой книге. Я с трудом сглатываю слюну, кладу письмо на стол и смотрю на него так, будто оно живое.

Что, черт возьми, означает «копай глубже», при чем тут прошлые лета, весны и последняя зима? Я слишком устала, чтобы что-то соображать, слишком устала, чтобы гадать. Нужно бы взять чемоданы и отыскать дорогу в гостиницу, но я так утомлена, что решаю полежать, пока не пройдет эффект смены часовых поясов. Откинув одеяло, я ныряю в кровать, на то самое место, где моя мать спала ночь за ночью – все эти ночи без меня. Я закрываю глаза. Всего несколько минут, говорю я себе. Несколько минут.

Засыпаю и вижу сон.

Я только что вернулась из школы; папа сидит в кресле в гостиной, попыхивает сигарой и читает газету. На ней дата: 12 июня 1990 года. Странно, что он так рано пришел с работы, и еще более странно, что курит в доме. Мама пришла бы в ярость. Я оглядываю комнату, бросаю взгляд на бассейн, но ее нигде нет. Наверное, она просто наверху, говорю я себе, хотя чутье говорит мне, что это не так. Я точно знаю. В доме как-то пусто, одиноко, так всегда бывает, когда она уходит на обед или в гости. Но где она? Она обещала, что, когда я вернусь из школы, мы пойдем в торговый центр, чтобы проколоть мне уши.

Я бегу на кухню. Бонни плачет, сгорбившись над столом для завтрака. Бонни – наша эконожка. Я никогда не видела, чтобы она плакала, и пугаюсь. Вздрогнув, она поднимает голову. Ни одна из нас не знает, что сказать.

– Что случилось? – наконец спрашиваю я. – В чем дело? Где мамуля? – Я называла ее так с момента, когда начала говорить, а она называла так свою мать. На британский манер.

Бонни открывает рот, но не произносит ни слова. Потом опять опускает голову, продолжая плакать.

– Папа! – Я бегу обратно в гостиную. – Почему Бонни плачет? Где мамуля? Что происходит?

Он продолжает попыхивать сигарой, методично раскачиваясь взад-вперед, хотя кресло и не качалка.

– Папа? – Я начинаю плакать и топаю ногой, чтобы привлечь его внимание. – Ты меня слышишь?

– Валентина, перестань, – внезапно говорит он. Уголки его рта подрагивают. – Ты уже слишком большая, чтобы так себя вести. Пора взять себя в руки. – Он тушит сигару в пепельнице и снова поворачивается ко мне. – Она ушла. Мамы больше нет. И она не вернется.

Я с трудом сглатываю, пытаюсь осмыслить то, что он только что сказал. Неправда. Они просто поссорились. Он расстроен. Он сам не знает, что говорит. Мама, наверное, ушла за покупками. Скоро придет, и все будет хорошо. Все будет хорошо.

Папа подходит ко мне и кладет руки мне на плечи.

– Валентина, прости, моя милая, – говорит он. – Мне так жаль. Я ничем не могу тебе помочь. – Он вздыхает и достает ключи от машины. – Мне нужно ненадолго уехать, но Бонни останется здесь. Она переедет в свободную спальню.

Я снова бегу на кухню и бросаюсь в объятия Бонни. Я смотрю в ее красные, наполненные слезами глаза, глаза, которые знаю всю свою жизнь, и ищу в них доказательства того, что папа сказал неправду.

Но их нет, и это потрясает меня до глубины души. Все это правда, ужасающая правда. Мамуля ушла.

Бонни протягивает руки, чтобы обнять меня, но я отшатываюсь, бегу в мамину спальню, запираю за собой дверь и бросаюсь к шкафу: пусто. Открываю шкафы в ванной: они тоже совершенно пусты. И ящики, все, кроме одного. Я лезу внутрь и нахожу флакон ее любимых духов с ароматом розы. Я брызгаю себе на запястье и вдыхаю запах. Она забыла его упаковать, а может быть, оставила мне.

Я хочу, чтобы она налила мне ванну и, как обычно, сказала: «Не вешай носа, Чарли».

– Мамуля, – шепчу я дрожащим голосом. – Где ты?

Глава 4

Элоиза

Лондон

12 января 1968 года

Одеваясь, я представляла себе высокую, статную фигуру Эдварда. Вспоминала необычный склад его ума и тепло его прикосновений.

«Романтик, – думала я. – И такой умный».

Кружевное темно-синее платье идеально подходило к случаю. Я надевала его всего один раз – старомодное, купленное на распродаже в «Хэрродсе», но все же достаточно стильное для ужина в Королевском автомобильном клубе.

Открыв шкаф в прихожей, я улыбнулась про себя, увидев на вешалке пиджак Эдварда, который повесила туда вчера вечером. Мое пальто осталось в клубе, я так и забыла его забрать. А сейчас я позаимствовала пальто Милли. А смокинг Эдварда пусть повисит в шкафу в качестве трофея – предлог, чтобы снова увидеться с ним после сегодняшнего вечера.

Перед уходом я заглянула в спальню Милли, где она сидела, склонившись над толстым учебником права. Я сказала, что ухожу, но не осмелилась сказать куда. Что бы она подумала, узнав, что я возвращаюсь в Королевский автомобильный клуб после вчерашней катастрофы? Я рассказала ей только о Роджере и вцепившихся в него девицах, – да, и о беарнском соусе, – но об Эдварде даже не заикнулась.

Пока я не поверю в то, что он может быть настоящим, что *мы* можем быть настоящими, он останется моим секретом.

Когда я приехала в клуб, уже стемнело. Пальто я сдала девушке в отглаженной белой блузке и черном жилете. Она была примерно моего возраста и очень походила на моих бывших одноклассниц, а может, и была одной из них, потому что прекрасно знала, что мне здесь не место. Я видела это по ее глазам.

У стойки регистрации я назвала имя Эдварда.

Портье тепло улыбнулся.

– Здравствуйте, мисс Уилкинс. Мистер Синклер ожидает вас.

Он протянул мне конверт, запечатанный красным воском, с инициалами «Э. С.». Я прикоснулась кончиками пальцев к тонкой льняной бумаге, и мое сердце слегка дрогнуло; оно забилося сильнее, когда я достала записку с нарисованной от руки картой.

*Элоиза, выйди в сад. Дорогу найдешь. Место помечено крестиком. Я буду
ждать тебя.
хх, Эдвард*

Едва сдерживая волнение, я поднялась по лестнице мимо нескольких разодетых парочек, направляющихся на ужин; на женщинах были платья от Шанель последнего сезона. Украдкой поглядывая на карту, я проследовала по тускло освещенному коридору к лестнице, ведущей в сад, где вчера вечером приземлилась в объятия Эдварда. Я улыбнулась воспоминанию. Но где он может быть? Снова взглянув на карту, я пошла по садовой дорожке, мимо вечнозеленых кустарников, окружавших известняковый фасад клуба. Прямо перед собой, рядом с большой деревянной дверью, я увидела окно, из которого лился теплый свет. И поняла, что пришла.

Повернув дверную ручку, я вошла в комнату, освещенную только пламенем ревушего камина. Вдоль одной стены тянулся полностью укомплектованный бар. Остальные от пола до потолка занимали книжные полки.

«Какая прелесть», – прошептала я про себя и ступила на лестницу на колесиках, соединенную со стальной дорожкой, окружавшей комнату по периметру.

– Я думал, ты боишься лестниц, – услышала я голос.

В свете камина появился Эдвард. Он был одет так же изысканно, как накануне вечером, в строгий темный костюм.

Я не поздоровалась с ним. Зачем? Мне казалось совершенно естественным отвечать так, будто мы продолжаем разговор с того места, на котором остановились вчера.

– Только не библиотечных, – сказала я, оттолкнувшись ногой, чтобы колеса поехали.

Он улыбнулся.

– Много читаешь?

– Запоем, – ответила я.

– Так я и подозревал. Я тоже.

Я уставилась в высокий потолок.

– Спасибо за карту, – сказала я. – Без нее я бы в жизни не нашла дорогу. Откуда ты?..

– Знаю об этом месте? – Он пожал плечами. – Мальчишке становится скучно, когда родители каждый четверг таскают его в клуб на ужин. Я пробирался сюда и проводил время за книжкой.

Он рассказывал настолько оживленно, что я так и видела перед собой юного Эдварда: вот он стоит в этой комнате и проводит пальцами по корешкам книг, в точности как я сейчас.

Он заскочил за стойку и осмотрел коллекцию напитков.

– Вот так я заинтересовался литературой. По сути, случайно. – Он поставил на стойку бутылку джина. – А ты?

Я все водила пальцами по корешкам книг – достаточно долго, чтобы решиться. Я захотела рассказать ему о том, о чем мы с Милли втайне мечтали с тринадцати лет.

– Мы с лучшей подругой всегда мечтали открыть свой книжный магазин.

Я рассказала ему о книжном пристанище, которое создала в воображении. Он внимательно слушал.

– Может быть, когда-нибудь, – задумчиво заключила я.

Он улыбнулся, бросил в шейкер лед, смешал мне мартини и протянул бокал с замороженным ободком.

– Не «может быть», а несомненно, – сказал он. – Если это зов твоего сердца.

Почему-то от его уверенности я тоже почувствовала себя уверенно. Если Эдвард верит в мою мечту, я тоже могу в нее верить.

– Твое здоровье, – сказал он, чокаясь со мной бокалом. – За мечты и книги – и за новую дружбу.

Я сделала глоток: джин был крепким и пахивал хвоей, как свежесрезанная рождественская елка.

– Твое платье, это просто... – сказал он и надолго замолчал. – Элоиза, у меня нет слов. Я пытаюсь сказать, что ты выглядишь *сногшибательно*. Синий – определенно твой цвет.

– Спасибо, – немного нервничая, ответила я, и мы устроились в мягких креслах, обитых изумрудно-зеленым бархатом.

– Скажи, а какие книги вы будете продавать в этом вашем магазине? – спросил он.

– Немного новинок, – сказала я. – Но в основном это будут давние друзья. Знаешь ли ты, что большинство книг – особенно лучших – обычно меняют за свою жизнь семерых владельцев, а иногда и больше?

– Как интересно, – ответил он, рассеянно касаясь края татуировки, которую он показал мне прошлым вечером.

– Ты всегда будешь слышать музыку, – сказала я, улыбаясь, – а я всегда буду слушать сказки.

– А может быть, каждый будет слушать и то и другое, – сказал он, глядя мне в глаза.

Я невольно отвернулась. Мне казалось, что его взгляд проникает в самые глубины моей души. Может быть, он тоже это почувствовал, и почувствовал, что я это *знаю*. Так или иначе он тут же начал болтать на самые разные темы: его любимые заведения в Лондоне, где подают карри, поездка в Африку в детстве, где он научился свистеть, друг из колледжа, который умер в прошлом году при загадочных обстоятельствах. С каждым откровением мне казалось, что я знаю его все лучше, но совсем странным было возникшее стойкое ощущение, что знала его всю жизнь.

Он рассказал мне о своих младших сестрах: обе замужем, с маленькими детьми. И о том, что, получив сдвоенную степень магистра бизнеса и права, он стал работать в одной из крупнейших лондонских фирм по недвижимости, но эта работа («делать богатых еще богаче») казалась ему совершенно бессмысленной.

– А какая работа имела бы для тебя смысл? – спросила я.

Он ответил сразу.

– Простая жизнь, – объяснил он. – Это может показаться безумием, я всегда мечтал жить как в сказках Беатрикс Поттер⁸ – подальше от города. Ну, знаешь, старый загородный коттедж с большим садом и просторной верандой, где можно посидеть ночью и побеседовать со звездами.

Я улыбнулась.

– Какая прелесть. Но чем бы ты занимался?

– Ну, конечно, разводил бы помидоры, – сказал он с усмешкой.

– Это само собой.

– Давай немного помечтаем вместе, хорошо? – сказал он, наклоняясь ближе, и мое сердце забилося быстрее.

Да, помечтаем вместе.

– Представь, что мы с тобой, – начал он, – сидим на веранде в креслах-качалках. Я только что прогнал стаю опаснейших кроликов, едва сумев спасти от них грядку помидоров для консервирования, а ты тем временем рассказываешь, как прошел твой день в книжном магазине.

Я улыбнулась его фантазии, желая задержаться в ней подольше.

– Я бы рассказала, как деревенские дети требовали, чтобы я разбудила магазинного кота, который предпочитает греться на солнышке в витрине, а не оказываться в центре детского внимания. И о том, что посадила в ящиках на подоконнике герань. О, а еще про миссис Малтби, жену проповедника, которая часто приходит якобы за книгами для внуков, а сама потихоньку пасется в разделе любовных романов.

Эдвард слушал и улыбался, пока не вогнал меня в краску.

– Фермер и хозяйка книжной лавки. Отличная пара, не так ли?

Я только кивнула, хотя мне хотелось ответить решительным «да». «Да» этой прекрасной сказке, которую мы могли бы сделать своей жизнью. Хотел ли этого и Эдвард или его слова были просто болтовней флирта ради? Может быть, те же слова он говорил и своей вчерашней даме? Я решила изобразить застенчивость. Что я знаю о любви или намерениях мужчин? Мы проговорили несколько часов и выпили еще по бокальчику. Время шло, но я этого не замечала. Я просто перескакивала с одной темы на другую. В какой-то момент Эдвард взглянул на часы и предложил подняться в клуб поужинать.

– Я заказал подходящий угловой столик, – сказал он. – Тебе не о чем беспокоиться.

Я хотела сказать ему, что рядом с ним никогда бы ни о чем не беспокоилась. Пошла бы куда угодно и стала кем угодно. Конечно, я наврала ему о своей ранней юности, но, когда придет время, то расскажу ему все, и почему-то я знала, что он не только простит, но и примет меня.

Но тут наше уединение нарушил стук в дверь.

⁸ Английская писательница и художница, известная в первую очередь своими сказками о животных.

– Мистер Синклер! – Человек в форме ворвался в дверной проем, вытирая со лба капли пота. – А мыто вас ищем повсюду. – Он сделал паузу, чтобы перевести дыхание. – Вам звонят по телефону на третьем этаже. Это срочно. Это по поводу...

– Да-да, конечно, – быстро сказал Эдвард, нахмутив брови.

Я чувствовала себя персонажем книги, изгнанным со страниц захватывающей главы до того, как она завершилась. Станет ли мой финал счастливым или трагичным? Я не знала.

– Мисс Уилкинс, – сказал Эдвард, помрачнев. – Это было огромным удовольствием, но, боюсь, я... должен идти. Мне бы не хотелось заставлять вас ждать, так как я не уверен, сколько времени может занять это дело. Почему бы нам не назначить новую встречу, и, надеюсь, на ближайшее время? – Он замолчал и на мгновение улыбнулся. – Может быть, мы...

– Мистер Синклер, – прервал его человек в дверях. – Ваш абонент ждет.

– Да, – сказал Эдвард, поворачиваясь к двери. – Пожалуйста, прости меня, Элоиза. – Мое сердце сжалось, когда он произнес мое имя. – Я позвоню тебе.

Я не давала ему номера телефона и пришла в ужас от мысли, что он начнет наводить справки и выяснит, что я никакая не дочь богатой светской львицы, а едва сводящая концы с концами продавщица, проживающая в ветхой квартирке Ист-Энда.

– Да, – пробормотала я. – До свидания, Эдвард.

Но он уже ушел.

Я вздохнула, бросила последний взгляд на странный маленький бар-библиотеку и двинулась к стойке регистрации, чтобы забрать оба пальто – свое и позаимствованное у Милли. Вечер, казалось, закончился, не успев начаться.

– Извините, – сказала я девушке за стойкой, той самой, которую уже видела. – Мне нужно оставить... сообщение для члена клуба... мистера Эдварда Синклера.

Приподняв бровь, она указала на ближайший поднос с коробкой открыток и конвертов. Я схватила ручку и написала:

Эдвард, пожалуйста, не сочти меня воровкой, но у меня со вчерашнего вечера остался твой пиджак. Я решила поддержать его в заложниках до следующей встречи. Рискую показаться чересчур дерзкой, но давай встретимся в бистро «У Джекса» в Мейфэйр завтра в 19:00? Место помечено крестиком.

Буду ждать.

Элоиза

– Не могли бы вы проследить, чтобы мистер Синклер получил это?

Женщина равнодушно кивнула, молча опустила записку в ящик без опознавательных знаков и ответила на телефонный звонок.

Я вышла на улицу и посмотрела в ночное небо, где городские огни Лондона вели извечную битву со звездами, сверкающими над головой. Я улыбнулась про себя: знаю, какая сторона победит и будет побеждать вечно.

Глава 5

Валентина

На старой иве за окном щебечут птицы. Я сажусь в постели и ахаю, увидев на телефоне, который час. 6:23 утра. Я протираю глаза, шурясь, когда на меня падает яркий поток солнечного света. Я каким-то образом умудрилась проспять целый день, прихватив и ночь.

Я встаю и, зевая, пытаюсь сориентироваться в пространстве и времени. Сегодня воскресенье, нет, понедельник. Я нахожусь в квартире матери. Соседка снизу – как ее, Лайза? Да, Лайза – предложила показать мне город сегодня (или это было вчера?). Интересно, как прошло ее свидание, совмещенное с ланчем. Спустившись по лестнице на первый этаж, я достаю из чемодана косметичку. Чтобы оживить поблекший цвет лица, потребуется основательное увлажнение.

Внизу в прихожей я отыскиваю в своих вещах все необходимое и застегиваю чемодан.

– Валентина, это ты? – кричит сверху Лайза.

– Да, – говорю я, и она появляется на лестнице.

– Давай помогу с барахлом, – говорит она, протягивая руку к одному из чемоданов.

– Нет, я здесь не останусь, – быстро говорю я.

Она явно ошарашена.

– Не останешься?

– Ну... у меня заказан номер в гостинице. Я хотела только прихватить косметику и переодеться.

– Ну и глупо, – говорит Лайза, не отпуская ручку чемодана. – Наверху квартира твоей мамы. На кой ляд тебе гостиница?

– Я... ну, не знаю. Думаю, я...

– Смешные вы, американцы, – говорит она, с любопытством разглядывая меня. – Ты считаешь, что лучше заплатить бешеные деньги за крошечную комнату и ванную размером с чулан, чем жить в целой квартире бесплатно? – Она замолкает. – В смысле, ты же здесь хозяйка, правда?

Конечно же, она права. Но мне и в голову не приходило остаться в маминой квартире. Это как-то слишком... Но Лайза уже тащит чемодан вверх по лестнице, а я устала возражать. Кроме того, она действительно права.

– Как прошло твое свидание? – спрашиваю я, поднимаясь следом за ней. – С... Джереми, верно?

– Кошмарно, – говорит она, скривившись. – Во-первых, он опоздал – на целых сорок минут, – а потом, после того как я потрудилась приготовить ему яичницу по-королевски, он заявил, что у него аллергия на гренки. Нет, ты когда-нибудь слышала, чтобы у кого-нибудь была аллергия на гренки? – Она качает головой. – Так он и сидел голодный всю дорогу. Даже не откусил ни кусочка. А потом у него хватило наглости полезть целоваться. – Она пожимает плечами. – Нет уж, если мужчина не собирается есть мою еду, поцелуи отменяются. В общем, я его выставила.

– Значит, с Джереми покончено?

– Джереми капут, – отвечает она.

Я смеюсь, с каждой минутой она мне нравится все больше.

– Наверное, дело во мне, – продолжает она, вздыхая. – Вечно меня тянет к плохим парням. С ними весело, хотя кончается это обычно плохо. За столько лет можно было чему-то научиться, но как бы не так. – Она снова пожимает плечами. – Ну а ты? Замужем? – Она бросает взгляд на мой безымянный палец без кольца.

– Нет, – говорю я. – То есть была, но теперь я просто... ну, развожусь.

– О боже, – охает она. – Бедная ты, бедная. Сначала мать, а теперь... – Она прикрывает рукой рот в глубокой тревоге. – Ты когда-нибудь слышала эту хохму, что несчастья ходят по трое?

– Да, – говорю я. – Наверное, я та счастливица, которую ждет еще одна пакость.

– Будем надеяться, что мелкая, например... – говорит она и на мгновение задумывается, – например, трещина на экране телефона или что-то в этом роде.

Я лезу в карман и вытаскиваю телефон, экран которого испещрен неровными линиями.

– О-о, – обескураженно тянет она. Мы уже поднялись на третий этаж. – Ну, что бы это ни было, уверена, что ничего страшного. Просто внимательно смотри по сторонам, переходя дорогу.

Я киваю и расстегиваю чемодан, чтобы достать какую-нибудь одежду.

– Он разбил тебе сердце? – Она делает паузу. – Твой муж?

– Бывший муж, – поправляю я. – Да, можно сказать и так. – Я выживаю из чемодана черные легинсы и серый объемный свитер. – В любом случае, он бросил меня.

Лайза хмурится.

– О, извини, я...

– Слушай, ты мне обещала экскурсию, – говорю я, быстро уводя разговор от Ника. – Ты как, по-прежнему готова? К тому же мне бы не помешало выпить кофе.

– Конечно, – говорит Лайза. – Для начала зайдем в кафе «Флора». На днях я видела там Джуда Лоу.

– Актера?

– Да, он же «мистер Горячая штучка». Он живет по соседству. Тут у нас много знаменитостей. Я стояла в очереди, и он посмотрел на меня. Наверняка втрескался. Но увы, он совсем не в моем вкусе. – Она стирает пятно со своего сверкающего ботинка «Док Мартинс». – Хотя, если тебе интересно, ходят слухи, что он сейчас холост.

Я улыбаюсь и иду в спальню переодеться.

– Спасибо, но мне как-то не до мужиков, – говорю я через дверной проем.

– Это сейчас так говоришь, надо просто подождать. – Мы выходим на улицу, и она улыбается.

– Тебе, наверное, не терпится увидеть магазин, но Милли и утро – две вещи несовместные.

– Милли? – Имя кажется знакомым, но я не могу вспомнить, кто это.

– Ты ее не знаешь?

Я качаю головой.

– Она была лучшей подружкой твоей мамы, – говорит Лайза, посмотрев на меня с каким-то странным выражением. – Она заправляет в магазине с тех пор, как... Элоиза заболела. То есть они начинали вместе, но Милли тогда уже работала адвокатом. Насколько мне известно, она передала все Элоизе много лет назад.

Я киваю.

– Все равно тебе нужно выпить кофе. С этого и начнем. А в магазин можем вернуться после того, как я покажу тебе окрестности. К тому времени настроение у Милли поднимется.

Кафе «Флора» находится всего в нескольких кварталах вниз по улице: голубой навес, уличные столики перед входом. Мы заходим внутрь, и мне в лицо ударяет волна теплого, вкусно пахнущего воздуха. Я заказываю нам по булочке с корицей и по двойному эспрессо. Лайза тем временем флиртует с сильно разрисованным парнем за стойкой и любителю татуировкой змеи, обвивающей его предплечье.

– Ну а что ты делаешь – в смысле, кем работаешь? – спрашиваю я, когда мы садимся за столик у окна. Я вспомнила ее вчерашний напряженный телефонный разговор с боссом.

– Личным помощником, – угрюмо говорит она, – у диктатора.

Я приподнимаю бровь.

– Вроде Ким Чен Ына?

– Типа того, – говорит она, отпивая эспрессо. – Десять лет назад он изобрел какой-то непонятный технический виджет, который сделал его богаче самого Бога, и теперь платит мне гроши за то, чтобы я организовывала его жизнь – покупала билеты в театр, забирала вещи из химчистки, подстригала ногти пуделю его парня и служила личной боксерской грушей, когда у него неудачный день.

– Кошмар, – говорю я.

Она приветственно машет какой-то знакомой и снова поворачивается ко мне.

– Вообще-то, предполагалось, что эта работа будет только временной. Прошло семь лет, и угадай, кто до сих пор таскает белье в прачечную. Ну а ты? Чем ты занимаешься в своем?..

– Сиэтле, – добавляю я. – Была библиотекарем и книжным блогером, а теперь, наверное, я... хозяйка книжного магазина.

Лайза сияет.

– С твоим опытом ты будешь находкой для магазина! Если, конечно, сможешь уговорить Милли кое-что изменить.

– Расскажи о ней.

– Милли, – помолчав, говорит Лайза, – замечательная, но может быть крепким орешком. Она обожает тех, кого любит, а остальные... Что ж, бог им в помощь.

Я с трудом сглатываю.

– Говоришь, они с моей мамой были лучшими подругами? Это было ужасно давно, но, кажется, в детстве я о ней что-то слышала.

Лайза кивает.

– Да, подруги детства. Они вместе открыли книжный магазин, хотя Милли начинала собственную юридическую карьеру. Но когда твоя мама заболела, она как раз вышла на пенсию и смогла помочь.

– Очень мило с ее стороны, – говорю я. – Но теперь, когда я здесь, я могу... все уладить.

– Легче сказать, чем сделать, – говорит Лайза. – Возможно, чтобы заставить ее уйти, потребуется квалифицированная парламентская комиссия. – Она замолкает и вопросительно смотрит на меня. – «Книжный сад» – все, что у нее осталось от твоей мамы, и она яростно цепляется за него.

Не пойму, то ли Лайза просто вводит меня в курс дела, то ли дает мне тонкое предупреждение.

– Жаль, что ты так ни разу и не приехала, – говорит она. – До того, как она... скончалась.

– Послушай, – говорю я, приняв слегка оборонительный тон. – Мои отношения с мамой были... сложными. Если ты не против, я бы предпочла не вдаваться в подробности.

– Хорошо, – быстро говорит она. – Я все понимаю. Извини. Не хотела поднимать болезную тему.

Я киваю, вымученно улыбнувшись.

– Ну что, продолжим экскурсию?

Ее лицо смягчается. Мы выходим из кафе и идем дальше.

– Кроме «Флоры» тут есть прелестное итальянское заведение «Боттега», где можно пообедать и поужинать, а за углом «Чатни», карри-хаус. У них просто потрясающие салаты. – Она хлопывает себя по заду. – На которые мне и нужно налегать, если я хочу когда-нибудь избавиться от этих двенадцати фунтов.

Я улыбаюсь. Дальше на пути продовольственный рынок, по ее словам, самый близкий к дому.

– Хлеб покупай в пекарне Le Petit, если, конечно, вы, американцы, еще такое едите. У вас же вся страна объявила войну углеводам, разве нет?

– Только не я. Я сдалась врагу.

– Это в тебе говорит практичная английская кровь. – Она показывает мне местный хозяйственный магазин, парикмахерскую и магазин, где продают мороженое – сорт со вкусом карамельного крема я обязательно должна попробовать.

К нам приближается какая-то парочка, и Лайза машет рукой. На нем черная кожаная куртка и армейские ботинки; у нее короткие обесцвеченные волосы и кольцо в носу.

– Это Валентина, – говорит она им и представляет мне Джорджа и его подругу Лилли. Оказывается, Джордж играет в группе, которая завтра вечером будет выступать в соседнем пабе. Лайза заверяет их, что придет.

– Пошли вместе! – распрощавшись с ними, говорит она мне.

– Ну, не знаю... Не уверена, что это... мое.

– Чепуха, – машет она рукой. – Пойдем. К тому же мне требуется поддержка. Лилли увела его у меня и прекрасно об этом знает. Пусть покрутится.

Я выслушиваю подробности их истории, пока мы идем дальше по улице, вдоль которой выстроились таунхаусы пастельных тонов, бутики, галереи и кафе.

– И не забывай, Риджентс-парк совсем рядом, – добавляет она, – отличное место, чтобы устроить пикник или запустить воздушного змея, хотя Мэри Поппинс я изображать не собираюсь.

– Учту, – говорю я, улыбаясь, и слышу, что у меня в сумке звонит телефон. Откопав его, вижу, что это Джеймс Уитейкер из «Бевинс и партнеры», и переключаю звонок на голосовую почту. У меня нет настроения вникать в нудные имущественные подробности, во всяком случае не сейчас. Лучше пойти в парк и, может быть, запустить воздушного змея.

В книжный магазин мы возвращаемся вскоре после полудня. Уютное помещение исполнено естественного очарования, как страница из любимой антологии детских стихов: повсюду подушки, пуфики, мягкие стулья и диванчики, где можно посидеть с книжкой и просто отдохнуть. Я представляю себе, как мама впервые вошла в это пустое пространство – чистый лист для ее воображения: синие бархатные портьеры, хрустальная люстра, яркие турецкие ковры, смягчающие цвет дерева широких досок пола, даже колокольчики на ручке двери – в этом была она вся.

– Ну что, похоже на книжный твоей мечты? – спрашивает Лайза, наблюдая мою реакцию.

– Да, – тихо говорю я, чувствуя себя все более ошеломленной.

– Подожди здесь, – говорит она. – Я поищу Милли. Она, наверное, в подсобке.

Я замечаю, что полки из орехового дерева от пола до потолка снабжены стальными рельсами для лестниц. Я влезаю на одну их лесенок и еду на ней вдоль ближайшей стены.

Пока я катаюсь, возвращается Лайза, а с ней пожилая женщина, очень высокая, ростом метр восемьдесят, а то и выше. Седеющие волосы собраны на макушке в пучок, отчего она кажется еще внушительнее.

– Милли, – кашлянув, говорит Лайза, – это Валентина, дочь Элоизы. Она недавно приехала.

Милли возится с очками в темной оправе, висящими на цепочке у нее на шее, как будто не может поверить в то, что видит. Наконец она надевает их и окидывает меня долгим взглядом. Теперь она может убедиться, что Лайза говорит правду.

Немного волнуясь, я спускаюсь с лестницы.

– Рада наконец познакомиться с вами, – говорю я ей, протягивая руку.

Но она не произносит ни слова. Не пойму, разочарована она, возмущена, удивлена или испытывает все эти чувства одновременно. Лайза сказала, что Милли – мамина ровесница, значит, ей около семидесяти, но лицо у нее довольно молодое, хотя она и хмурится.

Она подходит к кассовой стойке, тянется за какой-то коробкой, ставит ее на пол и при этом опрокидывает локтем стаканчик, из которого торчат ручки. «Черт возьми», – говорит она

с раздраженным вздохом и наклоняется, чтобы собрать рассыпанное. У нее широкие, размашистые жесты – ни дать ни взять Джулия Чайлд⁹, с грохотом и лязгом снующая по своей кухне.

– Посмотри, кто подошел поздороваться, – говорит Лайза, нарушая неловкое молчание.

Кот, которого я вчера видела в окне, с тихим мурлыканьем трется о мою ногу.

– Как его зовут? – спрашиваю я, присев, чтобы погладить его.

– Персиваль – говорит Лайза. – Можно просто Перси. – Она улыбается. – Ты ему определенно нравишься.

– Персиваль – очень дружелюбный кот, – говорит Милли, не сводя с меня глаз. – Ему все нравятся.

– Не обращай внимания, – шепчет мне Лайза, когда Милли ныряет за прилавком. – Ей просто нужно время, чтобы привыкнуть к твоему присутствию.

Я киваю.

– Нам, наверное, лучше уйти.

– Нет, – шепчет она. – Сейчас она придет в чувство.

Вслед за Лайзой я подхожу к прилавку, где Милли изучает высокую стопку книг, опасно накренившуюся вправо.

– Ага, – говорит она, указывая на синий томик в твердом переплете из самой середины стопки. Она выдергивает его, каким-то образом сохранив книжную башню нерушимой. Прямо олимпийская чемпионка по «Дженге»¹⁰.

– Наконец-то, – говорит она, улыбаясь про себя. – Весь день ищу это издание «Ребекки»¹¹. Эвелин Джонсон будет счастлива.

Дверные колокольчики звякают, и в магазин неторопливо входят несколько посетителей. Мужчина средних лет направляется напрямиком к Милли и просит помочь ему найти для сына одну из книг о Гарри Поттере. Она кивает и ведет его к полке в другом конце комнаты.

– Эти мальчишки со своим «Гарри Поттером», – говорит она, вернувшись, и пожимает плечами. – Как бы мне хотелось, чтобы их интерес к литературе распространился за пределы Хогвартса. – Она протяжно вздыхает. – Но все равно это лучше, чем ужасные книжки типа «Дневник плаксивой крошки».

Тут срабатывает мой инстинкт библиотекаря.

– Ну, если его сын хоть что-то читает, это уже о чем-то говорит, – заявляю я.

Милли поднимает взгляд от прилавка, по-видимому, удивленная моим замечанием.

– Имею в виду, – я замолкаю, подыскивая слова, – что чтение ведет только к дальнейшему чтению. В детстве я читала все, что под руку попадет, – от классики до «Клуба нянек»¹². Если ребенок найдет книгу, которая ему понравится, он будет стремиться снова испытать это чувство, читая другие, самые разные истории.

Милли опускает очки на кончик носа и с любопытством смотрит на меня сверху вниз.

– Прекрасная теория, – язвит она, снова поворачиваясь к стопке книг. – Жаль, что это только домысел.

– Это как посмотреть, – говорю я. – Многие исследования грамотности в последние годы доказали, что эта «теория» верна, и я лично убедилась в этом на практике. – Я улыбаюсь. – Я библиотекарь.

– Ну что ж, – говорит она с некоторым удивлением. – Наверное, вам, как специалисту, не очень понравится мой метод управления этим магазином с тех пор, как пошатнулось здоровье

⁹ *Джулия Чайлд* – американский шеф-повар французской кухни, соавтор книги «Осваиваем искусство французской кухни», телеведущая.

¹⁰ «Дженга» – настольная игра, где нужно вынимать блоки из нижних рядов башни и перекладывать наверх так, чтобы башня не упала.

¹¹ Роман английской писательницы Дафны Дюморье, когда-то очень популярный.

¹² Серия романов «для девочек» американской писательницы Энн Мартин.

вашей матери. А теперь давай рассказывай, что у тебя на уме. Не ходи вокруг да около. Новые компьютерные каталоги? – Она театральным жестом хватается за голову. – Онлайн-заказы? Какая-нибудь чушь в социальных сетях? Книжный блог? Господи, воля твоя.

Очевидно, она никогда не видела моего аккаунта @booksbyval. Я улыбаюсь и включаю чувство юмора.

– А вы никогда не рассматривали возможность доставки книг с помощью дрона?

Я хотела только разрядить обстановку, но у Лайзы такой вид, будто она вот-вот разразится истерическим смехом либо покроется крапивницей.

– Я просто пошутила, – объясняю я. – Про дроны.

Но Милли не смеется.

Лайза чувствует нарастающее напряжение и вмешивается:

– Ладно тебе, Милли. Не беспокойся. Валентина пришла, чтобы помочь. В конце концов, она – дочь Элоизы.

– Ну, твоя мать была самой отважной женщиной из всех, кого я знала, – задумчиво говорит Милли. – Она рисковала всем, чтобы следовать зову сердца.

Я слушаю Милли с горящими щеками и открываю рот прежде, чем могу себя остановить:

– Довольно необычное определение слова «отважная».

Взгляд Милли сверлит меня, как лазер.

– Валентина, – начинает она. – Я не знаю, что тебе сказали или что ты себе напридумывала, но я хочу, чтобы ты поняла: то, что произошло... пойми, совсем не этого она хотела и не это замышляла.

Ее слова только разожгли огонь, тлеющий у меня внутри.

– А чего же она хотела? – спрашиваю я резким и визгливым голосом, хотя мне грустно, и ничего более. – Объясни мне, пожалуйста. Потому что все эти годы я умирала от желания узнать, почему мама – моя мама – ушла так внезапно и пропала навсегда. Почему у нее ни разу не нашлось свободной минутки, чтобы позвонить мне в мой день рождения или... не знаю... навестить меня в Рождество? Да что угодно! – Все давние чувства прорвались на поверхность, и я знаю, что уже не сумею их подавить. – Почему? Почему она так и не вернулась домой? Ко мне. К семье.

Милли серьезно качает головой, яркий свет люстры подчеркивает морщинки вокруг ее глаз.

– Ты правда ничего не понимаешь, да? Ты действительно не имеешь представления...

Прежде чем я успеваю понять, что она имеет в виду, не говоря уже о том, чтобы рискнуть ответить, колокольчики на двери снова звякают, и в магазин врывается всклокоченная женщина лет пятидесяти пяти. Она ставит на прилавок большую коробку.

– Вы ведь принимаете подержанные книги?

– Конечно, – говорит Милли, заглядывая в коробку. – Ну-ка, что у нас тут?

– Ох, не знаю... Это книжки мужа. Я прибираюсь в его кабинете, пока он в командировке. Всюду навалены книжки. На самом деле я спасаю его от самого себя. Ему недолго осталось, чтобы сделаться... – Она замолкает. – Знаете, одним из психов, которых показывают по телевизору, – тех, что живут в кучах хлама.

– Старьевщиком? – подсказывает Лайза.

– Вот именно! – говорит женщина, ослабляя удавку шарфа на шее. – Именно старьевщиком. У него слишком много книжек.

Мы с Милли обмениваемся понимающими взглядами, и впервые между нами наступает миг... согласия. Как бы ни осуждала эта женщина «дурную привычку» мужа, мы твердо знаем одну и ту же истину: в том, чтобы иметь слишком много книг, нет совершенно ничего плохого.

Однако Милли подыгрывает ей:

– Так, значит, у него некоторые проблемы?

Женщина раздраженно кивает.

– На днях он вообще предложил превратить гостевую спальню в библиотеку. Библиотеку!

– О-о, – говорит Милли, с деланным сочувствием качая головой. – Это... ужасно. – Она открывает коробку, берет сверху книгу в кожаном переплете и открывает ее. – Первое американское издание «Грозового перевала» Эмили Бронте. – Она показывает нам титул. – Эмили перепутали с ее сестрой Шарлоттой. Видите, в выходных данных сказано: «написавшая также „Джейн Эйр“». Это особенные книги. Вы уверены, что ваш муж готов продать их?

Она пожимает плечами.

– Он преподает английскую литературу. Если бы мы хранили каждую книгу, которая попадает к нам дом, я бы не могла войти в собственную кухню.

– Ну, если вы уверены, что хотите расстаться с ними...

– Уверена, – мгновенно отвечает женщина. – И дома еще коробок десять.

– Тогда ладно, – продолжает Милли. – Мне может потребоваться немного времени, чтобы разобраться.

Женщина поворачивает в сторону улицы, где у входа в магазин припаркован внедорожник с мигающими аварийными огнями.

– Послушайте, вообще-то я спешу. Может быть, просто дадите мне двадцать фунтов, и будем в расчете?

Глаза Милли округляются.

– Должна сказать вам правду, – говорит она. – Эти книги стоят больше двадцати фунтов.

– Хорошо, давайте пятьдесят. Я уже полчаса назад должна была забрать дочь с соревнований, и при таких скоростях непременно снова опоздаю на занятия пилатесом.

– Ну ладно, – говорит Милли, записывая покупку в гроссбук и вручая женщине товарный чек на подпись. – Пятьдесят так пятьдесят.

– Вот так, – говорит Милли после того, как женщина убегает. – В конце концов, не все любят книги.

– Кто-то теряет, кто-то находит, – пожимает плечами Лайза.

Мы все вместе рассматриваем книги. Милли изучает в одной из них страницу с выходными данными, а я беру одно из ранних изданий К. С. Льюиса.

– Можете ли вы хотя бы представить, чтобы ваш супруг делал что-то подобное за вашей спиной? – говорю я, и мои мысли внезапно обращаются к Нику. – Вообще-то я могу.

Лайза кивает.

– Хотела бы я обернуться мухой на стене в этом доме, чтобы посмотреть, какой ад ей устроит муж, когда вернется домой. Так и вижу заголовок: «Последняя новость: мужчина убил жену за продажу коллекции редких книг».

Милли в своей стихии: она перебирает сокровища в коробке.

– Один из моих любимых литературных триллеров, – говорит она, потрясая неизвестным мне романом.

Она подходит к ближайшему книжному шкафу и ставит книгу на среднюю полку; мы с Лайзой следуем за ней. Я внимательно осматриваю множество изданий, и хотя очевидный беспорядок в расстановке причиняет боль моей библиотечарской душе, я знаю, что пока лучше промолчать. Я переключаюсь на сами книги, и одна из них привлекает мое внимание.

– Ну-ка, что это, – говорю я, доставая с полки знакомый том. Конечно, я сразу узнаю его. «Последняя зима». Вскоре после того, как ушла мама, библиотечарь предложила мне прочитать ее. Мне всегда казалось, что у нее есть шестое чувство. Как еще ей могло прийти в голову откопать на верхней полке этот пыльный старый экземпляр? Забытый роман для забытой девочки. И я перечитывала его снова и снова. Он стал музыкой моего больного сердца, барабанной дробью, под которую я прорывала оцепление и в подростковом возрасте, и позже. Я, должно быть, прочитала его не меньше десятка раз.

Милли заглядывает мне через плечо.

– Старый друг?

– Да, – говорю, ничего не объясняя, и провожу рукой по краю обложки. В суматохе развода и продажи дома я потеряла свой любимый экземпляр и очень расстроилась.

Но Милли просто пожимает плечами.

– Так возьми ее себе.

– Спасибо, – говорю я, еще раз заглядывая ей в глаза и ища в них хотя бы малейший признак желания заключить мир.

– Давай без глупостей, – говорит Милли с равнодушным видом. – Ведь это теперь твой магазин.

Она, конечно, права. Этот, как там его, из «Бевинс и партнеры», объяснил, что Милли отдала свой пакет акций много лет назад. Она просто констатировала факт, и все же от ее слов волосы у меня на затылке встают дыбом.

– Не позволяй ей наезжать на тебя, – говорит Лайза, когда мы проходим следующий квартал по направлению к рынку. – Под этой суровой внешностью Милли на самом деле просто душка-старушка. Вот увидишь.

Я неохотно киваю, благодарю ее за экскурсию по Примроуз-Хилл, и мы расстаемся. Оставшись наедине со своими мыслями, я хватаю тележку и бесцельно брожу по проходам рынка. Мне всегда нравилось покупать продукты, особенно вместе с Ником. Когда мы только поженились, я с нетерпением ждала, что мы после работы поедим в «Здоровую пищу». Он толкал тележку, а я ее загружала. Мы были командой, а потом она распалась.

Я вздыхаю, разглядывая иностранные этикетки на банках и коробках. Йогурт выглядит по-другому. Все не такое. Через полчаса я кладу на товарную ленту то, что выбрала: буханку хлеба, коробку мюсли, пакет того, что показалось мне сливками, клубнику, три бутылки дешевого французского бургундского, кусочек бри и одинокое яблоко. Этот случайный, несогласованный и бессмысленный набор кажется мне сейчас метафорой моей жизни. Я и есть все эти продукты.

С пакетом я возвращаюсь в квартиру, плюхаюсь на диван и наконец прослушиваю голосовое сообщение от Бевинса и партнеров. Новости не очень хорошие. Огромный налог на наследство (гораздо больше, чем я могу позволить себе заплатить) должен быть выплачен в течение шести месяцев, то есть как раз перед Рождеством или сразу после него.

Счастливого Рождества.

Конечно, теперь у меня есть книжный магазин и дом, но из-за бракоразводного процесса наличных денег мало, а ликвидных активов, чтобы покрыть налоги, у меня нет. Если бы только Ник не был так одержим идеей продать дом так быстро – и себе в убыток. Но «Бевинс и партнеры» предложили быстрое решение: «К счастью для вас, к нам обратился потенциальный покупатель-застройщик, который готов заплатить достойную цену».

Я выпускаю из рук телефон и откидываю голову на спинку дивана, пытаюсь логически оценить ситуацию: я не могу заплатить налог на наследство, а другого разумного решения нет. Можно все продать, как предлагают адвокаты, и остаться, в лучшем случае, с небольшой прибылью или, возможно, просто без убытков. Это был бы печальный конец двадцатилетней работы магазина, но почему я должна переживать о заведении, на которое моя мать променяла собственную дочь, то есть меня?

Я вспоминаю причудливый маленький магазин, мурлыкающего Перси в витрине, даже сварливую Милли за прилавком – что ни говори, я уже успела во все это влюбиться.

– Теперь это твой магазин, – проницательно сказала Милли. Как же она права – вплоть до последнего счета, который нужно оплатить.

Я оглядываю мамину комнату, ища напоминаний о ее жизни, начиная с подушек на диване и заканчивая ее любимыми книгами, выстроенными в ряд на полке. Каждая мелочь, которую она привезла домой с блошиного рынка или из букинистического магазина, пропитана ее существом, и глядя на все это, я не могу не дать воли нахлынувшим чувствам. Как изношенная плотина, в которую бьет волна, я готова прорваться, и это в конце концов происходит. Слезы нарастают медленно, а потом превращаются в стойкую и сильную волну.

Выплакаться – дело хорошее, но теперь я чувствую также потребность в общении. После развода я публиковала в Инстаграме все меньше и меньше постов – все из-за суеты с продажей дома и с подготовкой к отъезду в Лондон, говорила я себе. Но теперь отговоркам конец. Я просто пряталась – от подписчиков, от мира, от людей. Хотя в постах я редко рассказывала о своей личной жизни, мое счастье было настоящим. Просто потому, что оно было. По крайней мере, раньше. Что бы сказали сорок тысяч подписчиков, которые с нетерпением ждали моих книжных рекомендаций и размышлений, если бы узнали правду? Почувствовали бы они, что те, кого я любила, бросили меня, а я стою на грани финансового краха?

Ни одна книга в мире не может этого изменить.

Я делаю энергичный выдох и берусь за телефон. Быстро просматриваю свою ленту, читаю новые комменты и личные сообщения. «У тебя все в порядке? – вопрошает один из подписчиков. – Ты в этот раз не опубликовала #Пятничные сообщения. Собираюсь в отпуск на следующей неделе, и мне нужно знать, что положить в чемодан!»

Какая мне разница, скучает ли по моим постам Лия из Нью-Джерси, или Валери из Оклахомы, или Мэй из Торонто? И все же приятно, когда кому-то тебя не хватает. Этого достаточно, чтобы дать мне силы поделиться чем-то более личным.

Я фотографирую обложку «Последней зимы», немного регулирую яркость, выбираю свой любимый фильтр и начинаю печатать:

«Жизнь похожа на роман, и, честно говоря, друзья, моя жизнь, кажется, приняла трагический оборот. Не волнуйтесь, со мной все в порядке, но в сюжете появились некоторые перипетии. Как хорошо, что на свете есть книги, верно? Если я кому-то нужна, то я здесь, вместе со старым любимым романом (всегда бальзам на душу). Это „Последняя зима“, которую я читала много раз, но сейчас нуждаюсь в ней больше, чем когда-либо, потому что книги – старые друзья. Действие этого романа малоизвестной писательницы Элли Грейвз, опубликованного в 1934 году, разворачивается в Нью-Йорке 1920-х годов. В нем подробно описывается запретная любовная связь между Чарльзом, женатым врачом и начинающим политиком, и девятнадцатилетней французской эмигранткой Сезанной, балериной, которая всю жизнь отчаянно пыталась скрыть свою смешанную расовую принадлежность от всего мира – даже от Чарльза.

Трагический и эмоциональный сюжет „Последней зимы“ запомнился мне надолго, хотя книга уже много лет не переиздавалась (не беда, бесстрашный районный библиотекарь наверняка отыщет для вас экземпляр!). Мое издание пропало без вести после моего недавнего развода и переезда...»

Тут я задумываюсь, не удалить ли эту последнюю строку, но мне нравится быть откровенной, и я оставляю ее на экране.

...«И сколько я ни искала в интернете замену, увы, все было тщетно. До сегодняшнего дня!»

Я оправляюсь в постель с «Последней зимой», горя желанием вновь погрузиться в знакомую историю, а особенно – встретиться с ее персонажами, моими старыми друзьями. Перед этим я в последний раз проверяю свой аккаунт. Лайки и смайлики сыплются потоком. Чита-

тели делятся историями о давно потерянных книгах, о своем горе. Я присоединяюсь к разговору, добавляя новый пост.

Чем книги отличаются, например, от фильма? Тем, что их можно держать в руках. Когда ваш собственный мир кажется слишком мрачным, книга становится порталом в любое место. Вы можете спрятаться на страницах, задержаться там для утешения или защиты. А что лучше всего? То, что неважно, семь тебе или шестьдесят семь, любимая книга – как старый друг, который ждет тебя с распростертыми объятиями, и сейчас для меня это «Последняя зима».

Я опускаю голову на подушки, страстно желая вернуться в мир Сезанны. Но открыв первую страницу, с некоторым удивлением обнаруживаю в верхнем углу пометку от руки:

«Это, наверное, самый прекрасный вступительный абзац во всей литературе».

Я с любопытством перечитываю эти слова, и мои руки покрываются мурашками. Я полностью согласна с этим. Хотя я знаю множество библиотечарей, которые никогда не стали бы делать записи на полях, должна признаться, что сама порой пишу на страницах (конечно, если книги принадлежат мне). Но, если оставить этот вопрос в стороне, само по себе замечание весьма справедливо. Книга никогда не была бестселлером и не получила Пулитцеровской премии, но в ней множество строк, звучащих как песня. Я снова перечитываю начало, так что слова прочно оседают в моем сознании.

«Сезанна заставляет свое гибкое тело принять нужную позицию и окидывает взглядом зал. В бурном море человеческих лиц она видит только одно. Его лицо».

Я прижимаю руку к груди, строчка поражает меня в самое сердце, как и в первый раз, когда я ее прочитала. На следующей странице я нахожу еще одну пометку рядом с подчеркнутым отрывком: «Описание того, как она зашнуровывает пуанты, напоминает, что она скована цепями, связана правилами общества».

Как забавно. Я подумала о том же самом.

Далее, на восьмой странице, еще одна заметка: «Снег – метафора перемен, жизненных сил, которые нам неподвластны. Заметьте, как ведет себя Сезанна в метель в 1922 году».

Да, именно так! Я киваю. Ее назначили на главную роль в самом престижном балете года. Это стало бы в ее карьере величайшим шансом, дающим ей средства, чтобы поддержать обедневшую семью. Но в ту же ночь на город обрушивается снежная буря, а новый хореограф отстраняет Сезанну от роли. Несмотря на мрачные перспективы, она выбегает на улицу и танцует – погружаясь в падающий снег, находя красоту среди темноты.

Интересно, кто этот таинственный комментатор? Не в силах сдержать любопытство, я пролистываю книгу в поисках подсказки, и на внутренней стороне обложки нахожу имя «Дэниел Дэвенпорт» и номер телефона.

Бегло просмотрев страницы, я вижу, что в книге полно еще более интригующих заметок, разбросанных по всему тексту. Я хочу изучить их все. Одна из них, на шестьдесят восьмой странице, гласит: «Вот бы попасть в Нью-Йорк Сезанны!».

Это желание кажется до жути знакомым, как будто вырванным из глубин моего мозга.

Сгорая от любопытства, я копаю дальше, и тут мне на колени выскальзывает маленький конверт. Точно такой же, как тот, который я нашла вчера, от мамы, и на нем тоже стоит мое имя. В ее предыдущей записке я не смогла уловить никакого смысла («вспомни наши весны, лета и осени, а особенно последнюю зиму»), но теперь мне все ясно.

Милая Вэл, ты нашла одну из моих любимых книг, как я и предполагала. Как я всегда говорила, книги умеют находить нас, когда мы больше всего в них нуждаемся. Вот ты и нашла «Последнюю зиму». Я обещала тебе несколько

сюрпризов, и эта книга – только начало. Прими это близко к сердцу, и, пожалуйста, милая девочка, пусть твое прекрасное сердце будет открытым и любопытным, когда читаешь между строк. Впереди еще так много всего, моя маленькая птичка.

Твоя следующая остановка – кулинарная, а рядом растут цветы. Найдешь меня на четвертой полке. Я буду ждать.

*С любовью,
мамуля*

Глаза щиплет от слез, но я снова и снова перечитываю записку, пытаюсь понять ее смысл. «Пусть твое сердце будет открытым»? Что, черт возьми, это значит? И что за кулинарная остановка, где растут цветы? Мама любила игру в поиск сокровищ: когда я была маленькой, она постоянно устраивала для меня такие поиски. И теперь придумала этот последний, промолчав перед этим всю вторую половину моей жизни. Почему? Почему сейчас?

Я снова открываю внутреннюю страницу обложки и рассматриваю имя, написанное синими чернилами. Может быть, этот загадочный человек и есть ключ ко всем загадкам?

Кто ты, Дэниел Дэвенпорт?

Глава 6

Элоиза

Три месяца спустя

19 апреля 1968 года

Я отказалась от приглашения Фрэнка на ужин в «Ритц» – даже от двух приглашений, – но это его не смутило. Оба раза он посылал мне домой цветы и звонил по десятку раз.

Я должна была радоваться его интересу и вниманию ко мне, но единственное, о чем я могла думать, – это Эдвард, удивительный бар-библиотека и вечер, который просиял обещанием и закончился тайной. Он не пришел на следующий день в бистро «У Джека» и не позвонил. Иное дело Фрэнк.

Бедная Милли: когда он позвонил в пятый раз, я упростила ее аккуратно послать его подальше от моего имени. «Эл, – сказала она потом. – Ты разобьешь сердце этому бедняге».

Даже Милли – прямолинейная Милли – не смогла противостоять упорству Фрэнка. Он появился в нашей квартире в следующую субботу с двумя билетами на концерт Сэмми Дэвиса-младшего и ни словом не заикнулся о наших скромных жилищных условиях. В его глазах я была герцогиней, даже принцессой. И кто мог бы устоять перед Сэмми Дэвисом-младшим? Только не Милли. В тот вечер она шепнула мне на ухо: «Если ты не пойдешь, придется пойти мне».

Так что в тот вечер я отправилась с Фрэнком. Может быть, роль сыграла музыка или коктейли, но я позволила ему поцеловать меня под фонарем на Трафальгарской площади.

После этого я стала привыкать к Фрэнку. Хотя у нас было мало общего – в конце концов, ему больше рассказывали цифры, чем слова – и в его присутствии у меня внутри бабочки не кружились, я от души наслаждалась его обществом, или, скорее, мне нравилось, что он наслаждался моим.

– Посмотри на себя, – сказала Милли, когда я готовилась к очередному субботнему свиданию с Фрэнком. – Ты сияешь, как влюбленная женщина.

Это было не столько утверждение, сколько остроумно замаскированный вопрос – сразу виден будущий адвокат, причем хороший, искусно вытягивающий правду из ничего не подозревающего свидетеля.

Милли видела меня насквозь, как никто другой, но моя уклончивость по поводу Фрэнка ставила в тупик даже ее. И она таким образом прощупывала почву. Разглаживая подол платья, я спросила себя, знает ли она, что я думаю вовсе не о Фрэнке, а о пиджаке, висящем в шкафу в прихожей и принадлежащем другому мужчине, и своем разочаровании тем, что после изумительного вечера в маленькой библиотеке Эдвард... пропал.

В назначенный мной для встречи день я пришла в бистро Джека и прождала целый час, каждый раз поворачиваясь на барном стуле в углу у стойки, когда кто-нибудь входил. Но все напрасно. Никто из них не был Эдвардом.

Я подумывала о том, чтобы навести о нем справки, заявиться в клуб, даже попробовать поискать его, но все это казалось слишком опрометчивым. Если бы я его интересовала, по-настоящему интересовала, он оказался бы там, материализовался на барном стуле рядом с моим, чтобы мы могли продолжить с того места, на котором остановились в библиотеке. Но он не пришел, и все тут.

– Ну так как? – не отставала Милли.

Я не люблю Фрэнка, подумала я, но мне нравится, что он обожает меня. Может ли его любви хватить на нас обоих?

Я проигнорировала вопрос подруги и открыла окно спальни, вдыхая свежий весенний воздух. Была середина апреля, на задах домов расцветали вишни, а обвязанные бечевкой

букеты пионов величиной с обеденные тарелки привлекали покупателей на рынке. И все же именно эта весна казалась... другой, вплоть до пения птиц, щебечущих на дереве за окном. Даже они знали.

– Что случилось, Эл? – спросила Милли, пытаясь поймать мой взгляд, но телефонный звонок дал мне повод сменить тему. Вероятно, Фрэнк. Так и оказалось. Так оказывалось всегда.

– Привет, дорогая, – сказал он. У Фрэнка тоже была весенняя лихорадка. В его голосе слышалось острое нетерпение. – Не хочешь сегодня пойти поужинать в клуб Ретта?

– О, правда? – сказала я, радуясь мысли об ужине в таком шикарном заведении. Я совсем недавно видела в таблоиде фотографию Элизабет Тейлор в этом клубе.

– Постой, а как тебе удалось заполучить столик? Я слышала, что там все заказано на несколько месяцев вперед!

– Потянул за кое-какие ниточки, – небрежно сказал он. – Только лучшее для моей девушки. Заехать за тобой в семь?

Я на миг задумалась, сердце бешено колотилось. Когда-нибудь, может быть очень скоро, Фрэнк захочет от меня большего. И что тогда?

– Элоиза? Кажется, связь барахлит. Будешь готова к семи?

– Да, – поспешно ответила я.

Ночной клуб Ретта оказался именно таким шикарным, как я себе представляла, и порадовалась, что выбрала черное платье и не забыла почистить перчатки (подарок Фрэнка). Туфли, конечно, не от Шанель, но кожаная сумочка, которую я купила с большой скидкой в «Хэрсродсе», была достаточно хороша для тусклого освещения. И вообще Фрэнка мало заботили такие детали.

– Добрый вечер, – поздоровался хозяин. Мы сдали в гардероб пальто, и нас при свете фонарика провели вдоль боковой стены в кабинку. Мимо прошел человек, немного похожий на Ричарда Чемберлена, а может быть, это он и был. В конце концов, это именно то место, куда ходят людей посмотреть и себя показать.

– Ну, как тебе здесь? – спросил Фрэнк, потянувшись к моей руке под столом; его пальцы нежно задели мое бедро.

Я нервозно улыбнулась.

– Мне... я... по-моему, здесь чудесно!

Фрэнк выбрал бутылку вина по винной карте, и я не могла не обратить внимание на цену: почти полугодовая арендная плата за нашу квартиру. Когда сомелье наполнил наши бокалы, я почувствовал себя виноватой в том, что опять оставила Милли одну в субботний вечер. Виноватой в том, что...

– Предлагаю тост, – сказал Фрэнк, поднимая свой бокал, – за Лондон и за мою прекрасную Элоизу. И чтобы такие праздники были у нас часто и... всегда.

Всегда. Он сказал «всегда»? Моя рука с бокалом замерла.

– Дорогая, – сказал Фрэнк, уговаривая меня выпить. – Плохая примета, если ты не сделаешь глоток.

Я кивнула и послушно поднесла бокал к губам, капнув красным вином на белоснежную скатерть.

– Что тебя беспокоит, дорогая? – спросил он, наклоняясь ближе. – То, что в следующем месяце я уеду? Ты из-за этого?

Глаза щипало – то ли из-за его одеколona, то ли от соленых слез.

– Да, – пробормотала я, заикаясь. – Из-за этого, конечно, и... я... беспокоюсь о Милли. Теперь, когда она поступила на юридический, у нас проблемы с арендной платой. И... ну, я просто чувствую себя виноватой, что я здесь... с тобой... пью это потрясающее, но дорогое вино. Извини. Я понимаю, что это все звучит бессмысленно.

Его губы расплылись в улыбке, он рассмеялся.

– И это все?

Все? Нет, это далеко не все. Всего лишь верхушка айсберга, но я не могла ему об этом сказать.

– Дорогая, сколько тебе нужно денег?

Я ушам своим не поверила. Фрэнк был щедр, но это казалось уже за гранью.

– Я не могу... – сказал я. – Уверена, мы сами справимся. И, Фрэнк, я все это говорила вовсе не затем, чтобы попросить денег. Я всего лишь...

– Чепуха, – сказал он, доставая чековую книжку. – Тысяча фунтов поможет тебе продержаться какое-то время?

– Фрэнк, я... я не знаю, что и сказать...

– Ничего не говори, – сказал он, – просто позволь мне позаботиться о тебе. Это все, чего я хочу. – Он улыбнулся, и я изо всех сил постаралась ответить ему с тем же теплом, которым он так щедро делился. – Просто пообещай мне, что ты подумаешь о нас и о том, как нам сделать все более... постоянным.

Я с трудом сглотнула.

– Не хочу тебя торопить, – продолжал он, снова кладя руку мне на бедро. – Но, дорогая, ты же знаешь, что мои дела в Лондоне скоро закончатся. – Он кашлянул и прищурился, и я представила, как он с таким же выражением лица анализирует столбцы цифр в актуарной таблице. – Элоиза, ни для кого не секрет, что я люблю тебя, – продолжал он. – Я только прошу подумать о том, как может выглядеть будущее. Наше будущее. – Он снова кашлянул. – Надеюсь, ты поедешь со мной в Калифорнию – как моя... жена.

У меня отвисла челюсть. Я слышала его слова и не слышала их. Они кружились в воздухе над столом, как обрывки странного сна. Жена. Калифорния. Всегда.

– Скажи, ты читала в газетах о Лондонском мосте? – теперь он говорил легко и непринужденно, словно забыл о серьезности того, что сказал перед этим.

– Нет, – пробормотала я.

– Американский бизнесмен только что купил эту старую штуковину и собирается перевезти ее в Штаты, может быть, даже в Калифорнию. – Он улыбнулся. – Знаешь, милая, это ведь и правда похоже на знак.

Он пытался встретиться со мной взглядом, но я отводила глаза, зная, что моя неуверенность мгновенно предаст меня – и его.

Фрэнк продолжал говорить.

– Нет, ты просто подумай: если Лондонский мост может переехать в Америку, то ты и подавно, верно? Я знаю, ты ненавидишь зиму. В Калифорнии много солнечного света. И цветы цветут круглый год.

Я никогда не говорила ему, что ненавижу зиму. Откуда он знает, что я ненавижу зиму?

Пока он говорил, мои глаза блуждали по залу. Я заметила неоновую вывеску над баром. В слове «Мартини» не горела буква «н», так что теперь она гласила: «Марти и». Будь здесь Милли, мы бы с ней как следует посмеялись. Она бы перебрала всех, в чьей компании могла бы оказаться Марти. Марти и полиция. Марти и собака. Марти и... американцы, к которым она не поедет.

– О чем ты думаешь? – спросил Фрэнк, пытаясь привлечь мое внимание.

Я указала на вывеску над баром и объяснила, почему она кажется мне смешной, но Фрэнк непонимающе уставился на меня и через минуту сменил тему. Он явно не находил это забавным.

Появился официант, и Фрэнк начал расспрашивать его о меню, а я обратила внимание на шикарную пару в вечерних костюмах, сидящую за соседним столиком. У женщины, красотки с платиновыми волосами, собранными в изящный шиньон, была роскошная и – недаром я работаю в «Хэрродсе» – редкая сумка от Бонни Кэшин для Coach. Мужчина был...

Господи, Эдвард.

Наши глаза встретились всего на мгновение, но какая-то сила пронзила меня, как молния. Даже в тусклом свете я поняла, что он тоже что-то почувствовал.

Думал ли он обо мне в последние месяцы? Почему он не пришел в бистро «У Джека»? Почему не позвонил?

Мое сердце бешено заколотилось. Я отвела взгляд, но желание посмотреть на него было невозможно пересилить, и я наблюдала, как Эдвард развлекает свою даму за ужином. Когда она откинула голову назад и рассмеялась, а потом протянула руку, коснувшись его руки, мне стало больно. Интересно, он показывал ей свою тагуировку со скрипкой? Знает ли она, что он хочет, чтобы в его ушах всегда звучала музыка?

Я почувствовала на талии руку Фрэнка и повернулась к нему.

– Ты знаешь о моих чувствах, Эл. Но никогда не говорила мне о своих.

Эл. Так звала меня только Милли, и я вздрогнула, услышав это имя из его уст.

Внезапно зал стал похож на смерч, а я оказалась в его центре – потеряла управление, как воздушный змей в Риджентс-парке в ветреный день. Я знала, что должна заставить себя вернуться на землю, и вернулась. Но приземление оказалось жестким. Вот я сижу в модном стейк-хаусе рядом с мужчиной, который без ума от меня, – но это *не тот* мужчина. А *тот* находится достаточно близко, чтобы слышать мой голос, как музыку в ушах.

Мне хотелось подбежать к нему. Мне хотелось убежать с ним. Вот он, миг из романов, которого я ждала всю жизнь, – миг узнавания. Но заодно я узнала и то, что у моей истории не будет счастливого конца.

– Эл, – продолжал Фрэнк. – Что ты скажешь?

Я молча уставилась на Эдварда: он встал, снял свой темный пиджак, повесил его на спинку стула и коротко кивнул мне в знак приветствия. В зале было слишком темно, чтобы разглядеть в его глазах какие-либо чувства, зато их было предостаточно в моих.

Я повернулась к Фрэнку и сосредоточила на нем свой затуманенный взгляд.

– Прости, ты о чем-то спрашивал?

Он улыбнулся.

– Дорогая, кажется вино ударило тебе в голову. – Он коснулся моей руки, но я едва почувствовала его пальцы на коже. – Любовь моя, я прошу твоей руки... и сердца. – Он с трудом сглотнул, и я увидела, как поднимается и опускается его кадык. – Я предлагаю тебе... провести оставшуюся жизнь со мной.

Какая же я дура. Для Эдварда я – всего лишь мимолетное воспоминание. Связь между нами, которую я выстроила в мыслях, – всего лишь художественный вымысел. Все это глупая сказка, я просто сочинила ее.

Я повернулась к Фрэнку, наконец-то уделив ему то внимание, которого он заслуживал.

– Да, – сказала я, на этот раз без колебаний. Получился чисто машинальный ответ. И единственно возможный. – Да, Фрэнк Бейкер. Я выйду за тебя замуж. И поеду с тобой в Калифорнию.

Глава 7

Валентина

– Приветствую тебя, Миллисента Великая, – говорит Лайза, когда мы приходим в магазин после обеда.

Милли машет рукой из отдела детских книг, где возится с двумя мальчиками, которых привела мать.

Стоя в сторонке, я смотрю, как она достает с полки «20 000 лье под водой», и слушаю ее рассказ о капитане Немо и его приключениях в погоне за гигантским чудовищем, обитающем в открытом море.

Мальчики стоят в напряженном внимании. Попались на крючок.

– Прошу прощения, – говорю я, опускаясь на колени на коврик рядом с одним из мальчишек. – Вижу, тебе нравятся приключенческие истории. – Я осматриваю ближайшую полку и достаю «За светлым морем»¹³: у меня еще свежи воспоминания об этой книге, которую я читала несколько месяцев назад, когда замещала библиотекаря в детском отделе во время ее декретного отпуска. Пересказывая сюжет, я так и чувствую на щеках соленый воздух, и мой юный клиент слушает с растущим интересом.

После того как обе книги куплены, Милли машет на прощание и подходит ко мне, в то время как я просматриваю стопку новых книг.

– Извини за мой... вчерашний тон, – говорит она. – Твоя мать вложила в это место всю душу, и... – она оглядывает магазин и в ее глазах читается тысяча воспоминаний. – Думаю, меня просто одолели страхи. Ясно же, что ты здесь для того, чтобы помочь. – Она с усилием сглатывает. – Прощаешь меня?

¹³ Приключенческий роман «За светлым морем» американской писательницы Лорин Уолк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.